

А.Х. Касымжанов

СТЕЛЫ КОШО-ЦАЙДАМА

Алматы
«Қазак университеті»
2019

УДК 94
ББК 63.3
К 28

*Рекомендовано к изданию Ученым Советом
КазНУ имени аль-Фараби*

Рецензент

доктор философских наук, профессор *М.С. Орынбеков*

Под общей редакцией академика Г. Мутанова

Касымжанов А.Х.

К 28 Стелы Кошо-Цайдама / под общ. ред. академика
Г. Мутанова. – 2-е изд. – Алматы: ТОО «Компания Printing
Systems», 1998. – Алматы: Казак университети, 2019. – 122 с.
ISBN 978-601-04-4007-4

Книга профессора А.Х. Касымжанова написана на основе курса лекций, прочитанного им в 1996 году в Оклахомском Государственном университете США. Она существенно дополняет учебники и учебные пособия по философии и истории Казахстана и является уникальной с точки зрения освещения истории региона Центральной Азии и его взаимодействия со Степью.

Книга рассчитана на студентов, магистрантов, докторантов гуманитарных специальностей, представителей научных кругов и всех интересующихся данной темой.

**УДК 94
ББК 63.3**

Центр «аль-Фараби» при Казахском Национальном университете им. аль-Фараби.

ISBN 978-601-04-4007-4

© Касымжанов А.Х., 2019
© Казну им. аль-Фараби, 2019

К ЧИТАТЕЛЮ

Писать о крупном ученом, современнике – дело неблагодарное. Всего вернее – обратиться к его собственным трудам и рассуждениям: «...укоренение самого смыслового контекста современной жизни есть верное средство не потерять себя и не затеряться в мире. Сказанное касается как человеческого рода, отдельных его фракций, так и человеческой индивидуальности. Эту общую истину мы попытались преломить к частному случаю, связанному с древнетюркским наследием. Может быть, уплотнение и насыщение «духовной среды» не повредит современному человеку, сделает его жизнь более содержательной и осмысленной...».

Именно этими прозорливыми строками завершил одну из последних своих книг большой ученый, скромный и не любивший публичности настолько, что сегодня трудно найти его фотографии (большинство из них любительские), философ, член-корреспондент НАН РК Агын Хайруллович Касымжанов (1931 – 2000). Глубина знаний и цельность мышления, неумность характера выпускника философского факультета КазГУ 1954 года, ступившего в большую науку в самый разгар «оттепели», обеспечила ему тонкое понимание духовных процессов, влияющих на формирование личности, и мировое признание коллег и единомышленников.

Приведенный выше фрагмент из завершающей лекции, прочитанной в далеком штате Оклахома в начале «перестройки», актуален и сегодня. Со времени выхода небольшой по объему брошюры А.Х. Касымжанова, почти сразу же после выхода ставшей библиографической редкостью, в Казахстане происхо-

дят кардинальные преобразования в методологии гуманитарных наук, и данное переиздание окажется полезным для тех, кто выбрал для себя тернистый путь познания тайн Вселенной. Решение переиздать ценный труд, как символ освобождения гуманитарного сознания от оков прежней идеологии, оценит общественность.

Исследовать грани Великой Степи еще предстоит, развивая достижения гуманитарных наук, и путеводной звездой послужит статья Елбасы Н. Назарбаева «Семь граней Великой Степи», в которой, словно уйки многокрылой юрты, обозначены ключевые постулаты и направления, призванные полнее охватить величие эволюции и жизнедеятельности насельников региона в сердце Евразии, который по праву именуется Великим, наряду с Великим географическими открытиями и Великим шелковым путем, – по изначальной значимости его места в логистике материка и системе координат планеты.

Научное сообщество имеет определенное преимущество, в виде устоявшейся традиции обмена информацией, полученной в ходе индивидуальных исследований. Так и книга «Стелы Кошо-Цайдама» доктора философских наук, профессора ведущего университета Казахстана, основателя и директора Центра аль-Фараби, заведующего кафедрой философии и методологии социального познания КазГУ А.Х. Касымжанова, представляет собой курс лекций, прочитанный философом в 1996 году в Оклахомском Университете, США. Если учесть, что поездка состоялась в ряду первых зарубежных академических визитов профессуры бывшего СССР, то интерес к публичным лекциям ученого из Центральной Азии был огромен; переводчик не потребовался: Агын Хайруллович, как талантливый и одаренный человек, довольно быстро освоил английский язык...

Известно, что А.Х. Касымжанов много лет изучал методологию тюркского средневекового философа, создавшего ряд завершенных трактатов, аль-Фараби. Мировая антология философии в его лице обрела стройную методологию, при том, что аль-Фараби не скрывал своего степного происхождения – из Турана, напро-

тив, гордился им. Именно степные просторы и многокрасочная палитра разных верований и этнокультур питали его воображение и придали размышлениям выходца из Фараба особую утонченность и великодушие к проявлениям человеческой природы.

Фарабиеведение, в свою очередь, оказало влияние на научные методы Касымжанова, который приводит в «Стелах...» ссылки на труды ученых и на английском языке, – он прочел их, очевидно, готовясь к поездке, и эта деталь придает дополнительно весомости сборнику лекций казахского философа, отражает высокую культуру подготовки им публичных лекций. Для аудитории американских вузов А.К. Касымжанов адаптировал свой пересказ также демонстрацией карты Евразии, портретами В. Радлова, Н.М. Ядринцева, В. Томсена, факсимиле текстов стел в честь Тоньюкука и Культегина.

Семинар казахского философа поразил заокеанских слушателей настолько, так изменил восприятие о науке и цивилизации Востока (профессор четко обозначил идентичность «потомков древних тюрков»), что его курс лекций в том же году был переведен на английский язык и пользуется спросом (См.: Kazymzhanov, Agyn Khairullovic & Tribble, Keith Owehn. The political tradition of the Steppe. Nationalities Paper, 1998).

Книга и сегодня читается на одном дыхании; ее тезисы (стиль изложения сложных социальных процессов в устах профессора обретает завидную легкость, тогда как это легкость внешняя, ведь под нею кроется титанический труд осмысления и обобщений отечественной истории в контексте всемирного знания) легли в основу последующих изысканий политологов и социологов, этнокультурологов и антропологов. При том, что автор не возвеличивает собственную позицию, аккуратно делает ссылки на труды коллег из смежных сфер (Бахтина М., Ауэзова М.О., Жумабаева М., Олкотт М., Гумилева Л.Н., Масанова Н.Э. и др.) и демонстрирует глубокие познания источников, лектор приводит квинт-эссенцию из работ великих предшественников: аль-Фараби, Шокана...

Емкие и пластичные, лекции Касымжанова дали новое видение и принципы систематизации прошлого, подняли на качественно новый уровень характер межстрановой коллаборации в академической среде. Его вклад в народную дипломатию Независимого государства трудно переоценить. С другой стороны, в новом, авторском переложении истории Степи (профессор смело вводил этот термин) выпукло проявились пространственно-временные характеристики цивилизации тюрков.

В завершение уместно привести цитату из данной книги: «Осознавать свою самобытность, дорожить ею и ни в коем случае не предаваться легкомысленно чужим ценностям и чужому образу жизни – вот основа основ свободы и независимости народа».

Агын Хайруллович навсегда останется олицетворением академической порядочности, высокого профессионализма и убежденного адепта достойного вклада тюркской цивилизации в мировую сокровищницу интеллектуальной истории человечества.

*Галым Мутанов,
ректор Казахского национального университета
им. аль-Фараби, академик*

*Если не будет Тенгри в твоей душе,
где отыщешь блаженство?
Если не будет у тебя свободной страны,
Какая радость в жизни твоей?*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Местность, называемая Кошо-Цайдам, представляет собой плато на правом берегу реки Кокшин-Орхон, к северу от буддистского монастыря Эрдени-Цзу на территории Монголии. Исследователи отмечают величественно-спокойный ландшафт местности, как нельзя более удачно выбранный для мемориального комплекса. Этот комплекс¹ ныне признан историческим памятником мирового значения, в котором запечатлена история одной из больших империй Тюркского каганата и двух великих исторических деятелей, братьев Кюль-Тегина и Бильге-кагана. В соответствующем месте мы остановимся на описании самого комплекса и на биографии указанных лиц. Главная цель, которую ставит перед собой автор, – это раскрыть идейное и мировоззренческое значение надписей, начертанных на каменных стелах, для сегодняшнего дня, для нас – потомков древних тюрков. Но выполнить эту задачу невозможно без уяснения существа того феномена, который называется степной цивилизацией. В самых общих чертах коснемся мы и истории открытия и исследования памятника. А чтобы читатель получил в определенной степени ощущение подлинности, мы прилагаем текст из орхонских надписей в переводе С.Е. Малова.

Если мы хотим проложить тропу к Кошу-Цайдаму, придется надеть сапоги-скороходы и включить машину времени. Ведь надо

¹ Его открытие принадлежит Н.М. Ядринцеву. Затем он был подробно описан экспедициями А. Гейкеля и В. Радлова. Выбор места для памятника Кюль-Тегину для его увековечения как достойного “величественного места” вменил себе в заслугу его брат – Могилян (Бильге-Каган).

объясниться по поводу понятий Степь, Центральная Азия, Туркестан. Сравнительно просто разрешается вопрос о Степи и Центральной Азии как географических понятиях. Азиатская, а шире – евро-азиатская ландшафтно-климатическая зона степи, выделяется как полоса по широтному периметру от Дуная и Дальнего Востока. Все внутреннее пространство Азии, не имеющее водных стоков к открытому морю, образует значительную сугубо континентальную часть Азии, называемую Центральной Азией. Но если понятия Степи и Центральной Азии нагрузить языковым, культурно-историческим и политическим содержанием, тем более в динамике, то ситуация предстанет гораздо более сложной и запутанной. Что же касается понятия Туркестан, то исторически Туркестан выделялся на протяжении веков как особое этнокультурное образование, а в XX веке его статус стал предметом недоумков, дискуссий, причем дело доходило до прямых репрессий и рассеяния самой целостности его конфигурации.

Между той историей, в которую, скажем конкретно, включены мы, советские и постсоветские люди (как бы нас не «обзывали»), и историей «минувших дней», ближайших, отдаленных и очень отдаленных с точки зрения «века человеческой жизни», подчас лежит зазор. Отдаление это имело место не только в наши дни. Прошлое уходило в безмолвие, в забвение, оставляя людей лицом к лицу с их повседневными заботами, подчас сводившимися к проблеме чисто биологического выживания. Но предать забвению историю значит так или иначе предать себя. История – нечто большее, чем музей и исторические сочинения. Это то, благодаря чему мы есть. Но история может стать чем-то большим, чем наше реальное основание. К ней может добавиться самосознание, наше целеустремленное и вполне осознанное понимание того, что составляет мое личное лицо или лицо народа, которое следует не просто сохранить как достоинство, но прежде обрести. Не затеряться в этом большом мире, а считать себя достойным занимать в нем определенное место.

Именно в подобном свете следует расценить попытки некоторых интеллектуалов в сегодняшнем мире возвести иден-

тичность тюркских народов к некоторому первоисточнику – территориально-этническому, языковому, историческому. Найти свое место, свою нишу вовсе не означает отрицать другие “места”, другие и очень универсальные “ниши”. Надо ведь еще учесть, что любые территории, даже если они разделены горами, пустынями, реками и казалось бы несовместимыми предубеждениями все-таки являются “проницаемыми”. Всегда существовали конфликты, приязнь и вражда, не говоря уже о “смешении крови”, без чего разрозненным общинам, родам, племенам грозило бы вырождение.

СТЕПНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Слова “степь” и “цивилизация” всем известны. Но коль скоро мы взялись выделить феномен “степной цивилизации” и обрисовать его, мы должны начать с самого начала. Без предварительной экспликации, которая позволит далее выстроить цепочку наших рассуждений о сущности степной цивилизации, не обойтись. Взятое из области географии понятие “степь” означает определенную зону Евразии в ряду смежных с ней понятий: арктическая тундра, тайга, пустыня.² Для большей конкретизации в географии рассматриваются переходные зоны – лесостепь, полупустыня. Зона евразийских степей от Манчжурии до Дуная в азиатской своей части, как видно на карте, – резко континентальная, открытая к Северному Ледовитому океану. Она не защищена какими-либо горами с севера. И наоборот, еще большую внутриконтинентальность рассматриваемой зоне придают отгораживающие ее от Индийского океана высокие цепи гор Тянь-Шаня, Памира, Гималаев. Поэтому зона степи перемежается участками пустынными и полупустынными. Ландшафтная климатическая зона степи в целом мало пригодна для земледелия. Годовое количество осадков здесь менее 400 мм, что делает земледелие рискованным.³

Соединяя понятия «степь» с понятием «цивилизация», мы наполняем географическое понятие культурно-историческим содержанием. На этом пространстве человек со времени появле-

² См.: карту, которая приведена на 29 странице книги: *The Cambridge History of Early inner Asia* / edited by Denis Sinor. – Cambridge Press, 1990.

Смысл карты раскрывается в разделе “The geographic setting”, автор Роберт Тафф. – Индиана университет. – Р. 19-40.

³ Н.Э. Масанов. *Кочевая цивилизация казахов*. – Алматы-Москва, 1995. – Стр. 4, 22, 29.

ния на нем развивал определенную технологию, формировал и видоизменял уклад жизни, вырабатывал стереотип поведения, следовал определенному мировоззрению. И такая цивилизация действительно зародилась в степи как особая ветвь мировой цивилизации – как кочевая цивилизация. Ее корни уходят в далекое прошлое, во второе тысячелетие до нашей эры. Она испытала пору своего возвышения и подъема. На историческом отрезке времени от II в. до н.э. и XIV в. н.э. Степь сделала возможным “быстрое образование кочевой империи” (В.В. Бартольд. Соч. – Т. V. – 1968. – с. 235). Из них наиболее известны: гуннская (II в. до н.э. – II в. н.э.), тюркская (VI – VIII в. н.э.), чингисовская (XIII–XIV вв.). Испытала кочевая цивилизация пору угасания, а затем и полного упадка. Значит, в свое время у нее были определенные преимущества, но этот потенциал обнаружил ограниченность, исчерпал себя. Обнаружилось это, предельно остро, к середине XVIII века, когда была разгромлена последняя кочевая империя – калмыцкая. Именно сочетание степи и кочевья приобрело такое значение, что исследователи стали употреблять понятие “Великая Степь”. В востоковедении в значительной мере выяснено, почему кочевая цивилизация возникла, почему она оказалась сравнительно живучей и достигала в те времена политического могущества. Упрощением является представления о кочевой цивилизации как простой миграции общин, вынуждаемой поиском пищи. От этих представлений сохранились характеристики кочевых завоеваний как “вторжений диких орд варваров”. Со времен Чингисхана вошел в европейские языки термин “тартар” как обозначение всех кочевников, т.е. как людей пришедших из преисподней.⁴

На самом же деле возникновению кочевой цивилизации предшествовали менее развитые способы хозяйственная – охота, добыча плодов и корней, рыболовство. Истоще-

⁴ Дж. Гиббон разграничивает термин “татар” и “тартар”: “Говорят что *татар* было изменено в *тартар* вследствие выражения Св. Люиса, который, когда нашествие Чингисхана было воспринято с ужасом в Западной Европе, заявил: “Eridat nos, mater, coeleste solatium, quia, suas Tartareas sedes, unde exierunt, retrudemus, vel ipsi nos omnes and colum advenant” (с. 98, т. 3, 1985). Но и он склонен трактовать завоевания кочевников как целиком “диструктивные миграции”. Отсюда и сближение им скифов, татар, гуннов и тюрков (с. 98-113). Кочевники различных времен и мест для него – на одно лицо.

ние определенной ниши вызывало миграцию – медленную и хаотически случайную. Предшествовали кочевой цивилизации примитивное земледелие и разведение скота в ограниченных размерах. Использование пастбищ, требующих длинных переходов, было не под силу небольшим общинам, нужно было средство для пересечения больших пространств и нужна была еще уверенность, что удастся отстоять себя при встрече с другими общинами. Кочевье оказалось не просто единственно возможным путем ведения хозяйства на аридной территории, но и вдобавок более продуктивным и перспективным. Известная легенда о романтической и трагичной любви Козы-Корпеш и Баян-сулу включает эпизод, связанный с назойливыми женихами. Дабы отвадить одного из них, она в качестве трудновыполнимой задачи выдвигает требование “пересчитать” скот, принадлежащий ее отцу. Подразумевается, что счет труден не только потому, что скот рассеян по степи и находится в движении, но и то, что прежде всего его количество несметно. Конечно, кочевники переживали жестокие времена, когда имело место засуха или сильные морозы. При засухе скот погибал из-за отсутствия кормов. Но, пожалуй, более страшными были морозы, когда степь покрывалась коркой льда, из-под которого даже лошади не могли добыть себе корма. Эта пора бедствия называлась казахами “джутом”, ибо падеж отощавшего скота и особенно молодняка усугублялся действием пронизывающих ветров и холода. Джут – тотальный голод и истощение, от которого общество управлялось с большим трудом.

И все-таки кочевое скотоводство в определенной степени было эффективным и самодостаточным. Скот давал калорийную пищу, напитки, обеспечивал одеждой, давал возможность укрыться под войлочным пологом переносного дома. Разведение скота требовало довольно солидного опытного знания природы. Речь идет о знании среды обитания, среды миграции, и, конечно, об основательном знании биологии животных. Несравненный анализ кочевнического знания о различных сторонах процесса содержания скота дал А. Букейханов на основе обобщения опыта

казахов.⁵ Он показал основательность их подхода к селекции, выбраковке животных, их физиологии и патологии, к способам заготовки и хранения мясомолочной продукции, обработки кожи. Роль экологического опыта в возникновении номадизма правильно подчеркнута Н.Э. Масановым. Он настаивает на том, что этот опыт должен быть определенного уровня как по объему, так и по качеству. Освоение новой экологической ниши – степных и пустынных пространств Евразии за пределами речных долин и низкоречных районов – требовало знаний “обо всех нюансах и особенностях природных циклов, географии расположения сезонных пастбищ, кратчайших и разнообразных маршрутов кочевания, мест водопоя, гидрохимического состава водных источников, циклов продуктивности растительного покрова, степени его предания и усвоения скотом, процесса наживровки и качества физического состояния животных, атмосферных осадков и паводного разлива рек, времени установления и схода снежного покрова и ... много другого”.⁶

В условиях кочевой цивилизации миграция носила строго упорядоченный характер, зависящий от времени года, наличия пастбищ и водоемов в зависимости от направлений перемещений по “плоскости” (как называли степные просторы зажатые в горах поселенцы), т.е. по широтам и меридиану. Зона степи не была гомогенной. Ее гетерогенность связана прежде всего с высокогорьем и поймами рек. Значит, миграция шла и по “вертикали”. Различались места размещения скота в летнее и в зимнее время. Летние становища называются казахами “жайляу”, зимние – “кыстау”. Подножья гор и речные долины позволяют хоть как-то просуществовать в засушливые годы. Скот спасается в них от летнего зноя и всякого гнуса. В горных падах и лесах степняки могли укрыться от своих врагов. Особенно Алтай представлял чрезвычайно благоприятные условия для обитания кочевников,

⁵ А. Букейханов. Исторические судьбы Киргизского края и культурные его успехи // В кн.: Полное географическое описание нашего Отечества. Т. XVIII. – СПб., 1903. – С. 156-175; Киргизы (с. 66-77), Овцеводство в Степном крае (с. 153-191) в кн.: А. Букейханов. Избранное. – Алматы, 1995.

⁶ Н.Э. Масанов. Кочевая цивилизация казахов. – Алматы-Москва, 1995. – С. 33-34.

зарождения и развития культуры. Не случайно на Алтае началась добыча и обработка железа, не случайно Алтай явился прародинной этноса и суперэтноса тюрков.⁷

Степь вкупе с азональными участками представляется как бы самой природой предназначенной нишей для разведения скота. В благоприятные годы она дарит раздолье для души и жизни кочевников, для созерцания себя перед лицом бесконечности. В годы же засухи, джута природа требует от кочевника физической и нравственной выносливости, твердости духа. Имеется на этот счет замечание А. Тойнби: “Эффект давления евразийской степи над психикой и характером скифов”.⁸

Подчеркивая значение ландшафта и климата в эволюции кочевничества, следует принять в расчет, что действие климата не оставалось одинаковым. Одним из первых исследователей, кто попытался проанализировать циклы колебаний климата и их влияние на политическую конъюнктуру, был Хантингтон.⁹ Проблемой усыхания и увлажнения степи занимался Л.Н. Гумилев. К этой теме он возвращался постоянно, начиная с ранних работ и заканчивая последними. Циклические засухи, по его мнению, сказывались тяжело на хозяйстве кочевников, подрывали основы их существования, вели к усилению родоплеменной раздробленности. М. Ауэзов в романе “Путь Абая” показывает, насколько остро начинает давать знать о себе родовая вражда даже в мимолетные засушливые годы, порождая захваты лучших угодий, мест водопоя, усиливая социальную стратификацию. Действие центробежных сил ведет к дисперсизации общества, к социальной деградации, резкому снижению уровню культуры и этнического самосознания. У казахов на этот счет есть образное выражение: “Кто проголодал три дня, у того не спрашивай совета в течение трех лет”. Наоборот, периоды увлажнения в степи снижали межплеменную рознь, укрепляли этническую и военную солидар-

⁷ Л.Н. Гумилев. Древние тюрки. – М., 1993. – С. 191.

⁸ А. Тойнби. Изучение истории. – С. 252.

⁹ См. Е. Хантингтон. Пульс Азии. – Бостон-Нью-Йорк, 1907.

ность, возбуждали энергию, создавая предпосылки для возросших потребностей и стремлений. Удовлетворить их можно либо приграничной торговлей, либо за счет соседей. Словом, именно периоды, благоприятные для кочевой жизни, являются временами массовых инвазий на соседние и отдаленные территории¹⁰. Поводы же всегда найдутся. Перед походом на Алтан-хана Чингисхан вспоминает, что когда-то ранее Алтан-хан “безвинно” умертвил его старших сородичей. Настала пора мести. Для того, что бы в экологической нише Степи сформировалась особая цивилизация, нужны, как мы уже заметили, определенные предпосылки. Но эти предпосылки сами по себе не составляют основания кочевой цивилизации.

Среди обстоятельств, позволивших появиться феномену “Великой Степи” как явлению мировой цивилизации, одно из первых мест принадлежит приручению лошади. Она – не просто транспорт, который можно использовать для верховой езды и перевозки грузов. Лошадь – “танк” тех времен и партнер воина. Недаром кавалерия пережила более чем на полтора столетия угасание кочевой цивилизации, хотя способствовала ее становлению почти до Второй мировой войны. Лошадь доставляла несравненный степной напиток кумыс, обеспечивала кочевника мясом на зиму – согым. Кочевание на дальние расстояния настолько не могло обойтись без лошади, что потребовало преобразования качественной структуры стада, наличия в нем определенной доли лошадей. К тому же лошади могли добывать себе корм даже под коркой льда, что выражается термином “тебеневать” – бить копытом и извлекать траву и коренья.

Кочевая цивилизация именно как мировое явление в истории Старого Совета представляет собой то, что Зеунер назвал “Вторым номадизмом”. С его точки зрения несостоятельна гипотеза о том,

¹⁰ Возможно, охотничий опыт был предпосылкой определенной агрессивности кочевников, ибо убийство животных – главное занятие охотника. С этой стороны привлекает внимание факт устройства Чингисханом облавной охоты, которой он придавал большое значение как тренингу, церемонии, экспертизе воинской подготовленности и дисциплины.

что скотоводство предшествовало земледелию”.¹¹ Действительно, это так. Систематическое развитие скотоводства появилось более чем на 2000 лет позже земледелия.¹² Столь же несостоятельно категорическое и безотносительное подчеркивание преимуществ земледелия по отношению к скотоводству, в том числе с точки зрения культуры и производительности. Земледелие в его специализированных и развитых формах, появившееся гораздо позже и потребовавшее оседлость, при всей его исключительной культурной роли, способствовало ухудшению санитарно-гигиенических условий жизни. Скученность и плотность населения благоприятствовали распространению инфекционных заболеваний, вообще отрицательно сказывались на организме людей.

Растения в силу присущих им физиологических реакций более податливый и пассивный материал для домостикации, чем животные. Уровень социальной эволюции как человека, так и животного, инстинкты и поведенческие реакции одомашниваемого животного, с которым приходится считаться при домостикации животных, требуют партнерства обеих сторон. Подчеркивая специфику домостикации животных, Зеунер говорит о симбиозе,¹³ в котором человек предстает первоначально интегральной частью психобиологической среды.¹⁴ В нем определенное место занимают: биологические компоненты самого человека (материнский и стадный инстинкт,

¹¹ Долгое время в общественном мнении имело хождение концепция о трех последовательных стадиях развития: 1) потребление продуктов дикой природы (собираательство, охота, рыболовство), 2) скотоводство и 3) земледелие. (См. Шнирелмен. Происхождение скотоводства. – М., 1980. – С. 7-36). В настоящее время возобладали точка зрения о том, что специализированному земледелию и скотоводству предшествовало комплексное земледельческо-скотоводческое хозяйство. В скотоводстве же кочевому хозяйствованию предшествовало отгонное скотоводство (там же, с. 244. См.: также А.И. Артамонов. Возникновение кочевого скотоводства // Проблемы археологии и этнографии. – Вып. 1. – Л., 1977). Что касается специализации земледелия и скотоводства, то для этого нужен определенный уровень интенсификации производства и соответственная экологическая ниша. Крупнейшим достижением мировой науки XX века является учение Н.И. Вавилова о первичных очагах одомашнивания растений и животных, без которого трудно представить зарождение и развитие древних цивилизаций (см. В.А. Шнирелмен, с. 25-26, 230, Н.И. Вавилов. Избранные произведения. – Т. 1. – Л., 1967).

¹² В.П. Алексеев. Становление человечества. – М., 1984. – С. 444.

¹³ A History of Domesticated Animals/ Frederick E. Zeuner. – London, 1963. – P. 37.

¹⁴ Kraeber, Antropological Society Papers. – Vol. 22. – Berkeley, 1960. – Pp. 18-25.

вообще психобиология человека), сходство в поведении одомашнивающего и одомашниваемого, известная степень толерантности.

В феномене “Второй номадизм”, отличающемся от миграции первобытных общин в поисках пищи при охоте, рыбной ловле, собирании плодов, корней и зелени растений, подчеркнем еще раз, первенствующее место принадлежит лошади. “Лошадь дала человеку необыкновенную мобильность по сравнению с тем, что он имел раньше, и это позволило второму номадизму соединиться с разведением растений”. Зеунер считает первоначальным очагом доместикации лошади Туркестан. Трансформация хозяйственного комплекса, сочетающего охоту с разведением скота и земледелием, в кочевое хозяйство в области технологии оказалась связанной с переходом от бронзы к железу. Материальные следы этого процесса, обнаруженные в ходе археологических раскопок и свидетельствующие о генезисе скифо-сакской культуры, нашли обобщенный анализ в книге “Nomads of the Eurasian Steppes in the Early Iron age”, Berkeley, 1995. Здесь представлены археологические находки из Монголии, Южной Сибири, Юго-Восточной Европы, Крыма, Северного Кавказа. Регион, находящийся в фокусе нашего внимания, разбирается Л. Яблонским (см. Материальная культура саксов и историческая реконструкция, стр. 201-240.). Плавка железа позволила частично усовершенствовать, а частично – заново изобрести приспособления для верховой езды. Речь идет об удилах, стременах, седле. Параллельно шла экипировка седока. Кочевники изобрели такие важные детали одежды, как брюки, в которые сейчас одевается все человечество (а не только мужчины и жокеи), сапоги, каблуки. налажено было производство стрел с металлическим наконечником и точка наконечников. Приблизительно к VI-V вв. до н.э. кочевники изобрели складной лук, что позволило увеличить расстояние полета стрелы до 700 метров. Ясно, что оснащенная таким образом, имеющая закаленных телом и духом воинов цивилизация способна не только отстоять себя, но и совершать активную экспансию. Создались условия для гибкого маневрирования, для стратегии дальних обходов, стремительных нападений, заманивания противника. Каждый воин мог, опираясь на стремяна, стрелять на

ходу (чтобы не было помех стрельбе, подстригали гривы лошадей, но почему-то сами воины носили косички).

Но вершиной, а может быть, в известной мере историческим основанием кочевой цивилизации были достижения в духовно-мировоззренческой сфере. Свидетельство тому – высокая художественная традиция, именуемая как традиция “искусства звериного стиля”.

Несмотря на все эти достижения, существует традиция такого определения термина «цивилизация», которое, как считают, нельзя распространить на Степь. По классификации Л. Моргана, рубеж перехода от варварства к цивилизации обозначен тремя элементами: плавка железа, изобретение письменности, образование территориального (вместо кровнородственного) объединения в виде государства¹⁵. Действительно, ни от азиатской, ни от европейской ветви гуннов не осталось никаких прямых письменных свидетельств. Действительно политические объединения в Степи часто возникали как племенные конфедерации. Но внешнее династийное (по имени основателя: Ашина – у тюрков, Чингис – у монголов) или по названию господствующей трибы именование государства не должно заслонять того факта, что создание империй непременно было связано с внесением внеродового и внеплеменного принципа объединения с процессами социальной стратификации, с образованием системы наследования власти и надстроечного аппарата управления.¹⁶ Во

¹⁵ “Ancient Society by Lewis H. Morgan, edited by Lesjje A White. – Cambridge, Massachusetts, 1964. – Pp. 14, 32, 33, 36, 468. В современном пособии это определение воспроизводится, добавлен еще один элемент: город. См. Civilization. Eight edition. Harper College Publishers // Quotation from David G. Mandelbourn. – Concept of Civilization and Culture, Encyclopedia Britannica, 1967. – Vol. 5. – P. 831.

¹⁶ Principles and structures in the organization of the Asiatic Steppe – pastoralist Lawrence Kradler // Southwestern Journal of Antropology. – Vol. 2. – Number 2. – Summer 1995. – Pp. 67-92. Орду понимали, в частности, как соединение родственных племен или даже как разросшуюся семью (Гиббон). На самом деле орда предполагает наличие силовых структур, армии, находящейся в подчинении верховного правителя. У Чингисхана это была гвардия, каждый воин которой имел особый, чрезвычайно высокий статус. Военачальники, начиная от самых верхов донизу, подбирались не по родственным, а по деловым качествам. Сам род и племя претерпели сложную эволюцию, раскалываясь, входя в различные этносы, теряя связь с ближайшими сородичами или возобновляя их. Нередко родоплеменная маркировка была не чем, как воспоминанием, легендой, близкой по сути к мифу о прародителе – тотеме.

всяком случае, у гуннов мы находим некоторые общие черты в традициях и укладе жизни, которые свойственны кочевой цивилизации. Косвенный вклад гуннов в мировую цивилизацию связан с инициированием “Шелкового пути”. Известная экспедиция Чжан-Цяна в 138 г. до н.э. была организована Срединной империей в расчете найти в Западном крае союзников для противостояния вторжениям гуннов, с целью организации “второго фронта” она дошла до Ферганы. Но Чжан-Цян по ходу дела обнаружил много диковинных вещей. Во-первых, он был удивлен отсутствием культуры производства шелка. Совершенно красивыми и необычными были тамошние лошади. Он познакомился с виноградарством и связанным с ним виноделием. За каждой необычной диковинкой могла потянуться цепочка других связей. Чтобы культивировать породу местных лошадей в Китае, надо было позаботиться о той траве, без которой, как считалось, проку от выращивания импортных лошадей не будет – о люцерне, ее семенах и выращивании ее у себя. Маленький ручеек информации дал идею предприимчивым людям для налаживания торговли, быстро превратившейся в мост для обмена товарами и общения в масштабе всего “Старого Света”. Степь, Центральная Азия стали “воротами истории”, посредником мирового оборота товаров, золота, шелка, пряностей, идей, новаций, художественных вкусов. Обмен шел с Востока на Запад и наоборот, с Севера на Юг и, наоборот, в диагональном и других направлениях.

Что касается письменности, то мы не располагаем сведениями о скифской письменности. Возможно, в оседло-земледельческом оазисе Междуречья Мавераннахра имелся свой очаг письменности. В “Иссыкском кургане” вместе с “Золотым человеком” была найдена серебряная тарелочка с еще не расшифрованным текстом. Тюрки,¹⁷ основатели Империи, впервые

¹⁷ Первый степной автор Йолыг-тегин запечатлел на камне имена своих предков Бумын-кагана и Иштеми, своих царствующих сородичей – Бильге-кагана и Кюль-тегина (см.: Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. – М., 1951. А также предания, связанные с возникновением тюркского каганата, разбираются в статье Ч. Валиханова “О западном крае Китайской империи” (Соч., т. 2, с. 272-303). Он приводит сведения о гуннском происхождении тюрков и версии о том, что место поселения и добычи железа было похоже на шлем и потому получило название “тюгу” (шлем). Тюгу – это китайское написание слова “тюрки” (Ч. Валиханов, т. 2, с. 284-285).

объединившие Восток и Запад в рамках единой империи Тюркского каганата, оставили после себя письменный документ на камнях.

Важным критерием цивилизованности считается наличие городов. Степная цивилизация имела связь с городской цивилизацией не только вовне, но по принципу комплементарности. Она сама не могла обойтись без оседлых поселений в местах добычи и обработки железа, зимовок, ставок хана. Существовал и особый термин для обозначения города – “балык”, т.е. где строения возводятся из глины, в отличие от кочевых станов, где жилище в основном было войлочным. Это тент с деревянным остовом, покрытый войлоком, сборный, переносной и чрезвычайно удобный. Оседло-земледельческая культура, а значит городская, часто осознавалась и представлялась как антипод кочевой, степной культуры. На самом деле они дополняли друг друга, взаимодействуя между собой в рамках региона.¹⁸ Временами степняки вовлекали ближайших и отдаленных соседей в свою орбиту, а временами оказывались их подданными, вассалами и просто наемниками. С того времени, когда все великие державы мира стянулись все в один узел благодаря Шелковому пути, согдийцы, жители Мавераннахра, Междуречья часто примыкали к степнякам-кочевникам. Эти связи стали особенно плотными со времени первого Тюркского каганата. Можно сказать, что согдийские купцы были кривно заинтересованы в прочной имперской власти, поскольку они становились основными посредниками в мировой торговле от берегов Тихого океана до Средиземноморья.

Подчас они направляли мировую политику своего времени. Достаточно напомнить о миссии согдийца Маниаха, вызвавшего ответную миссию византийского посла Земарха, принятого в 598 году в окрестностях Тараза тюркским кагатом.

В предшествующем изложении мы привлекли данные, выходящие за пределы степной зоны как таковой. Теперь это обстоятельство мы хотим специально подчеркнуть и даже развить. Кочевую цивилизацию в степях Евразии мы помещаем в более

¹⁸ См.: об этом – далее.

широкое физическое и историческое пространство Центральной Азии и всего “Старого Света”, потому что усматриваем ее бытование в данном контексте как совершенно особое и уникальное явление. Наш метод идеографический. И поэтому мы оставляем в стороне рассмотрение кочевничества в его общих закономерностях, характерных для всех регионов и для всех времен.¹⁹ Физически, со времен А. фон Гумбольдта, выделяется в Азии ее центральная часть – как пространство континента, не имеющее водных стоков к открытому морю. Хотя натуралисты и историки исходят, казалось бы, из одной и той же предпосылки, что термин “Центральная Азия” до сих пор сохраняет многозначность, и вокруг него много толкований.²⁰ Имеется точка зрения, согласно которой можно поставить вопрос шире и выделить Центральную Евразию так же, как мы говорим об евразийской Степи. Эта позиция отражена в карте, приведенной в книге Д. Синора (см. примечание 2). Подробнее вопрос излагается во введении к этой книге под заглавием “Концепция Внутренней Азии” (стр. 1-18). В литературе мы находим предпочтение термину “Внутренняя Азия” (в Университете Индианы центр исследований так и называется). Есть более узкое толкование «Центральной Азии», к которому склонились в ЮНЕСКО. Согласно заключению экспертов в ЮНЕСКО, работавших над шеститомной “Историей цивилизации Центральной Азии”, этот регион (но современной политической карте) расположен внутри пространства, включающего Афганистан, Северную Индию и Пакистана, северо-восток Ирана, центральноазиатские республики СССР²¹. Забегая

¹⁹ Другую “призму” избрал Н.Э. Масанов. Он исходит из того, что для всех кочевых обществ, будь то Северная Африка, Ближний Восток, Центральная Азия или страны, где продолжает существовать кочевое скотоводческое хозяйство, есть общие закономерности взаимодействия природно-географических и социально-экономических факторов. Казахское кочевое общество для него – подходящая модель для изучения подобных закономерностей. См.: Н.Э. Масанов. Кочевая цивилизация казахов. – Алма-Ата, 1995. – С. 4, 5, 14.

²⁰ Вопросом «где находится Центральная Азия» задаются многие. См Central Asia since independence, Shirein T. Huntez / published Nuth the Center for strategic and international studies. – Washington, D/C/, 1996. – Pp. 3-4.

²¹ Miroshnikov. A note of the term “Central Asia” as used in this book: «History of civilization of Central Asia». – Paris, UNESKO, 1992. – Vol. I. См. также в этой книге V.M. Masson «The Environment» (p. 29-44).

вперед и имея в виду ту зону, которая нас интересует, мы можем сказать, что определение ЮНЕСКО охватывает пространство взаимодействия Степи и прилегающих к ней (главным образом, с юга) территорий, население которых исторически по духу ментальности, обычаям и происхождение имело много общих черт со степняками, что не раз отмечалось исследователями и путешественниками.

Для того, чтобы избежать путаницы, Л. Кредер предлагает вместо терминов “Центральная Азия”, “Средняя Азия” ввести термин “Внутренняя Азия”. А регион бывшего СССР, преобразованного ныне в пять суверенных государств, именовать “Центральной Азией”, что вполне соответствует нынешней традиции в литературе. К концу XIX века он был целиком в подчинении России и фигурировал под общим названием Туркестан. Формальную независимость сохранили только Бухара и Хива в качестве протекторатов России. Кредер также упоминает о разграничении при царизме “Киргизского края” и “Туркестана”, видя в нем предвосхищение введенной Советами в 30-ые годы после “национального размежевания” терминологии “Средняя Азия и Казахстан”. Под “Средней Азией” имелись в виду четыре советские республики: Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан и Туркменистан. Проведенное уточнение терминов позволяет нам более свободно излагать экспансию степняков-кочевников.

К Востоку кочевники овладевали не только Северным Китаем, где каракидани и чжурчжени основали династии, известные как Ляо и Цин, но и господствовали над всем Китаем как династия Юань (династия Чингизидов).

На Запад, потеснив племена, населявшие Прикаспий и Причерноморье, гунны зашли настолько далеко, что основали в IV-V вв., почти в центре Европы свою империю. В числе ее правителей был известный всему миру Атилла. Разрыв во времени с империей IV-V вв. в Европе вызывал сомнения в возможности идентифицировать доминирующую группу в двух удаленных местах. В китайских источниках завоеватели II в. до н.э. II в. н.э. были обозначены как hsiungnu. Насколько можно отождествлять

hsiungnu с Hun-ami? Как могли гунны “всплыть” через огромные пространства Алтая, степей Евразии на другой части света – это сложный вопрос. Ссылаются на то, что еще в IV в. согдийские купцы, поселившиеся на восточном конце Великого Шелкового пути, применяли имя “Hun” к южным “Hsing-hu” на китайской границе. Но возможно имя “Hun” имело расширенный смысл, как позже ко многимномадам Азии применяли этнические названия «татар», «монгол», «тюрок», «ногай» только в силу того, что они представляли господствующую трибу.²² Во всяком случае области распространения политической власти кочевников дают известное основание говорить о Срединной Евразии как о сфере влияния степной цивилизации. Для определенного времени и определенном отношении Степь есть ключ к пониманию роли Срединной Евразии (или Центральной Азии в широком смысле) в мировой истории²³. Д. Синор указывает на три группы фактов, указывающих на их (гуннов) “внутренние азиатские корни”. Это, прежде всего, их физический облик. Они – монголоиды. Их монгольские черты поразили европейцев, которые до этого были знакомы только с черными Африки. К тому же было похоже, будто они родились вместе с лошадьми. Второе. Обычаи, в частности, процедуры, связанные со смертью Атиллы, – общие для всей Срединной Азии, в том числе и для скифов²⁴ и тюрков VI-VIII вв. Наконец, последнее, третье обстоятельство. На обширной территории от Ордоса в Китае до Центра Европы найдены типичные продукты металлургии Срединной Азии, в частности бронзовые котлы, “Kauldron”. Многие из них принадлежат гуннам.²⁵ Что касается того, как “варвары” хотя бы некоторое время могли управлять экономикой, на примере Атиллы можно сказать, что он понимал определенный толк в экономике, заботясь о своих подданных, и знал, как использовать рабочие руки в колониях.

²² W.B. Henning. The date of Sogdian Ancient Letters. Bulletin of the School of Oriental and African Studies. – 12. – 1948. – Pp. 601-615.

²³ D. Sinor. Introduction: the concept of Inner Asia. – P. 7.

²⁴ “История Геродота”. Дэвид Грин. – Университет Чикаго, 1987. – Стр. 4-26.

²⁵ The Historical Attila by Denis Sinor в книге: Atilla: The man and his image... / edited by Franz H. Bawml and Marianna D. Birnbaum. – Corvina. Budapest, 1993. – Pp. 6-7.

Ханы и Атилла имели средства к значениям, которые были приняты современностью западными колониальными властями: использование брутальной силы для получения товаров, которые необходимы для жизни.

Помимо военно-политического влияния Степь, что видимо, не менее важно, была источником переселения народов, демографических процессов, в результате которых складывалась в той или иной мере этническая карта Азии. Гуннские вторжения, в числе других факторов повлекшие за собой падение Римской империи, а позднее – монгольские, в некоторой степени предопределили этнополитический облик Европы. Но, возможно, одной из ведущих линий великого переселения народов было движение индоариев. Они привнесли в мировую цивилизацию авестийское мировоззрение, называемое по имени основателя зороастризм,²⁶ которое распространилось далеко за пределами Степи, сказалось на некоторых сторонах известных мировых религий. Не менее важным достоянием были язык и гены. Авестийцы были европеоидами. Их движения и вторжения привели к смешению монголоидной и европеоидной рас, к распространению восточных диалектов иранского языка и к смешению их с местными языками. В культурном и политическом наследии, сохранившемся от первой кочевой империи – Тюркского каганата VI – VIII вв. на первое место следует выделить идею сохранения идентичности. Геродот еще у скифов отмечал чрезвычайно ревностное отношение к собственным духовным ценностям. Этническое достоинство и честь Июлыг-тегин считает основой политической силы государства. Он предостерегает народ от “прельщения” чужими ценностями. Этот принцип поддерживал свободолюбивый дух народов степи и нашел отражение в казахской пословице: “Өлімнен Ұят күшті” (Лучше потерять жизнь, чем совесть). Без мудрости правителя и солидарности членов общества государство, согласно Орхонской надписи,

²⁶ Ч.Ч. Валиханов. Шаманство в степи // Собр. соч.: в 5-ти т. – Алма-ата, 1985. – Т. 4. – С. 48-70; А.Х. Касымжанов, С.А. Касымжанова. Духовное наследие казахского народа. – Алма-ата, 1991. – Раздел 2. – С. 9-16.

распадается, народ рассеется, разорится и обеднеет. В заботе о благе подданных – суть “мудрости” правителя. Автор надписи настойчиво внушает потомкам объединить власть и народ, ибо без этого недостижимо процветание и благосостояние общества. Тюрки установили удельно-лествичную систему наследования, преследовавшую цель создания клановой заинтересованности в сохранении центральной власти. От отца власть передавалась не сыну, а младшему брату. Ему наследовал старший племянник. Принцы крови в ожидании своей очереди получали в управление уделы. Вершиной и основанием идеологии тюркского каганата было тенгрианство. Эту идеологию попытался реформировать поэт-мыслитель эпохи Караханидов Юсуф Баласагуни, сочетая ее с нормами права и государственности ислама. Процесс исламизации тюркизированной Центральной Азии и Степи начался с VIII в. и в целом завершился к XV веку. Ислам привнес в Степь достижения мусульманской цивилизации и персидской культуры. В частности, именно от персидских образцов отталкивался Юсуф, создавая свою поэму “Кутадгу билиг”, ставшую исходным основополагающим языковым памятником для всех тюркоязычных литератур.

Государство Караханидов, которому служил верой и правдой Юсуф Баласагуни, заслужив чин “хас хаджиб” – главного камергера, было естественным преемником древнетюркской государственности (См.: Советская тюркология. – 1970. – №4. – С. 84). Та же самая преемственность прослеживается в поэтике и идеологии “Кутадгу билиг”. Прежде всего речь о символизации имен основных персонажей, в частности Кюнтотды и Айтолды, отражающих специфически тюркский культ небесных тел. Еще более важный идеологический оттенок содержится в употреблении понятия “тенгри”. Достоинством поэмы “Кутадгу билик” является перенесение арабо-персидской поэтики в тюрко-язычную поэзию. Но оно произведено не механически, поскольку надо было преодолеть сопротивление тюркского языка внедряемой в него форме, заимствуемой из другого языка, на основе древнетюркской поэтической традиции. И.В. Стеблева усматривает сходство приемов

поэтического синтаксиса, свойственных орхонским текстам, с теми, к которым прибегает Юсуф и которые в виде восклицаний, обращений, увещеваний, риторических вопросов придают повествованию эмоционально-приподнятый тон. Повтор тем и мотивов орхонско-енисейских памятников прослеживается и у младшего современника Баласагуни – Махмуда Кашгари. В его произведении “Дивани лугат ат-турк” (“Диван орхонских наречий”) приводятся конкретные образцы, полностью повторяющиеся поэтические фигуры большой надписи в честь Кюль-Тегина.

Тот синтез культур, с которым оказалось связано создание арабского халифата, начиная с середины X века, обеспечил определенное первенство мусульманской культуры как культуры арабо-персидской, по мере проникновения в Степь. Речь идет о проникновении начал иной государственности и мусульманского права. Культ знания, черты универсализма, веротерпимость и многие другие черты ислама объясняют историческое влияние ислама и его значимость как мировой религии. Политические успехи арабов, создавших империю на территории, объединявшей различные народы Азии, Африки, Европы, были лишь частью большого культурно-творческого процесса, которому швейцарский востоковед Адам Мец дал название мусульманского Ренессанса. Процесс этот коснулся и периферии арабского мира Степи и взаимодействующих с ней регионов Центральной Азии. Свидетельство тому – появление плеяды таких выдающихся людей, как аль-Хорезми, Рудаки, Фирдоуси, аль-Фараби, Бируни, ибн-Сина, Баласагуни, Кашгари, известных своим вкладом в мировую культуру. Для развития государственности в регионе в этот период характерно два совпадающих процесса: исламизация и тюркизация тех народов, которые этнически и культурно не принадлежали к тюркскому миру.

Но наиболее мощным фоном для политических процессов, происходивших в XIII-XIV веках было образование монгольской империи Чингисхана. Причем этот процесс имел большое значение не столько для самих монголов, сколько для тюркских народов и для развития процесса тюркизации, которому не замед-

лили поддаться сами завоеватели (может быть, прежде всего, в силу доминирования окружающего населения перед малочисленностью корпуса победителей).

Завоевания Чингисхана переносили понятия в иные культурные области. Они, находясь в общем и целом в русле “тору”, вступали в противоречие с исламскими понятиями, с “шариатом”. Позже даже Тимуру предъявили претензии, что он ставит “тору” выше “шариата”, в частности, проживая в городе как месте постоянного пребывания и нарушая степные обычаи. Поэтому Тимур через культ Ясави попытался выразить тюркскую национальную идею, в которой он степную цивилизацию хотел соединить с исламом и светскими интересами, восстановить значение мировых торговых путей через Степь и Мавераннахр.

Тенгрианство и ислам не просто мировоззренческие системы, а жизнеориентир. Вот почему между ними возникли конфликты, прежде чем возникло согласие, симбиоз и взаимопроникновение. Дело касается прежде всего той части менталитета, которая регулирует принятые нормы поведения и, в одном случае, отложившиеся в тору, в другом случае – канонизированные в шариате. Причем, любые мелкие детали подчас воспринимаются ревностнее и острее, чем крупные символы веры. В течение веков прошло слияние ислама с местными верованиями и обычаями. Былое почитание заветов старины обернулось верой в аруахов, духов предков, представляющих собой нечто вроде ангелов их душ. Этот синкретический сплав применительно к казахам уже прекрасно описан Чоканом Валихановым и нет необходимости здесь повторять его. Важнее отметить, что Центральная Азия, обнимающая собой, в частности, Степь, была ареной столкновений не только цивилизаций, но и мировоззрений – авестийства, шаманизма, тенгрианства, некоторого рода нейтральной веры в единого бога (у Чингисхана и его ближайших приемников), христианства, буддизма. Интересующий нас регион Туркестана в конечном счете исламизировался. Ранее этого процесса и одновременно с ним прошла волна тюркизации. Исламизация шла

с юга на север, тюркизация – в обратном направлении. С XVIII в. вместе с царской колонизацией начался процесс русификации. Соответственно ходу этих процессов ислам сильнее представлен в южной части, русифицированный элемент – на севере Туркестана. Отсюда выражение: ”Если хочешь стать русским, сначала стань казахом”.

По разным причинам и на разных уровнях стратификации у определенной части населения Республики Казахстан оказалось подорванным чувство укорененности в бытии, а в ряде случаев оно попросту исчезло. Недаром где-то с 60-х годов среди интеллектуалов нашего общества стало модным понятие “маргинала” как человека на рубеже культур. Сейчас у некоторых идеологов бытует откровенный нигилизм по отношению к тому, что можно было бы обозначить как наследие. На другом полюсе, среди нуворишей и завидующих им молодых людей подобный настрой выливается в прямое подражание западным образцам и заимствование их безо всякого разбора. Заметно это по отсутствию какого-либо внимания к собственным культурным ценностям, искусству, актерам, художникам, деятелям науки и явное меценатство к любым заезжим гастролерам. Может быть, это в известной мере естественно, если иметь в виду, что самые глубокие основания идентичности, проявляющиеся в обычаях и стереотипе поведения, за предшествующий период были оттеснены реальной деловой практикой. И сейчас время от времени появляются жалобы на “проблемы с переводом законопроектов на государственный язык” (см.: например, “Казахстанская правда” 10 января 1998 г. Ольга Коваленко, “Законопроекты правительства: лучше меньше, да лучше”). Наряду с мелким мирком кухонного быта существовал парадный фасад в виде “Декад искусства”, “Дней республики” и т.д. Сама празднично-карнавальная сторона жизни, как то семейные торжества и дружеские встречи, превратились в смесь официальщины, превознесения власть имущих, питья “по-русски”, тостов “по-грузински” с тамадой, с добавлением казахского фольклорно-этнографического элемента. Словом, все это сильно смахивало на жизнь в резервациях,

только границы не были обозначены пространственно, они скорее проходили по граням души. Поэтому маркеры между “нағыз қазақ” (подлинный казах”) и “шала қазақ” (наполовину казах) часто оборачивались крайностями затхлого традиционализма и трагикомического модерна, которая питала тематику театрализованного шоу под названием “Тамаша”. Либо наносные явления вконец одержат верх в “стране колониальной демократии” либо удастся совершить прорыв и соединить традиции с инновациями. Да и с традициями дело обстоит не так просто. Удастся ли из разноуровневых и разнородных традиций выковать единый сплав. Ведь древняя традиция – это тюркская, которая стала основным лингвистическим и этническим субстратом на территории Центральной Азии. Идеологи и политики в качестве важного традиционного элемента рассматривают ислам. Мы бы предпочли говорить о мусульманской цивилизации как более широком и в известной мере синкретичном потоке явлений. И, наконец, третьим компонентом, наложившим свою печать на традиции степи, была имперская, российская колониальная политика. Причем вместе с ней существовала великая русская культура.

Возможно, высшим достижением политической мысли и политической практики кочевников является документ под названием Ясы (закон), автором которого является Чингисхан. Как основополагающий документ, он был утвержден в 1206 г. на том курултае, где Темучин был провозглашен Чингисханом. Окончательную редакцию Ясы связывают с курултаем 1225 года. Ясы исходят из того, что единственно дееспособным суверенным империи является монгольский народ, которому принадлежит право избрания на курултае хана. В его лице сосредоточена вся верховная власть. Все дееспособное мужское население должно быть учтено и прикреплено к государственной службе, построенной на военном принципе. Ясы не отменяют норм обычного степного права, распространенного на вопросы наследования, взаимоотношении частных лиц, а также племен и родов. Но на первом месте в Ясах – введение единого правопорядка

и новых норм права, рассчитанных на мировую империю, а не на провинциальное монгольское государство. Широкий замысел потребовал освоения китайского опыта, была взята система бюрократии и налоговая система. Продолжены тюркская традиция консолидации правящего клана и образования внеплеменной знати и дружины в лице военачальников, тарханов-ветеранов, отмеченных за личные воинские заслуги и гвардейцев. Освящение центральной власти и сосредоточение ее в одном лице было общей восточной, в том числе иранской, традицией. Присутствующее в тексте Ясы понятие «адаб» идет от персов, подразумевая под ним воспитанность, культурность, просвещенность. Но есть и своеобразие Ясы, поскольку они были продуктом личного творчества государственного деятеля крупного размаха. Чингисхан далек от конфессиональных предпочтений и от теократизма. Его режим – исключительно светский, веротерпимый, рациональный, не терпящий излишней чиновничьей иерархии и многословия. В категорию лиц, наделенных льготами и освобожденных от налогов, включены священнослужители. В Ясах разработаны такие вопросы международного права, как объявление войны, неприкосновенность послов. Существенным принципом было отделение в Ясах законодательной власти от исполнительной. Закон принимается суверенным сообществом в целом. Хан претворяет в жизнь закон и следует обычаям и не имеет права отступать от них.

Вводя законность и правопорядок на оккупированных территориях, Чингисхан заблаговременно позаботился об административном разделе империи между своими наследниками. Регион Центральной Азии, в котором обрели независимость пять республик бывшего СССР, в основном, был улусом старшего сына Чингисхана Джучи. Лишь крайняя юго-восточная его часть входила в улус Чагатая. Но империи Чингисхана, несмотря на высокий авторитет ее основателя и внешнее могущество, не пришлось стать вечной, как другим империям в истории.

Эрозийные процессы начались с самого верха, с борьбы за власть в центре империи и привели в скором времени к распаду

ее на улусы. Затем пришла очередь и улусов. Дроблением сил и падением могущества стремились воспользоваться все как на оккупированных территориях, так и вассалы. Причин распада империи было много, помимо борьбы за власть. Одной из основных причин было истощение цивилизованного и людского потенциала Степи. В частности, монголы просто стали растворяться в море людской массы, которой они должны были править. На развалинах империи и, в частности, джучиевой, так называемой Золотой Орды, начали формироваться современные этносы. Военно-политическое наследие чингисовской империи и крепостное право унаследовала Россия. В Степи шел процесс зарождения современных этносов вместе с консервацией патриархальности и социальным регрессом.

Сильнее всего сказалось на Степи и Центральной Азии угасание значимости Великого Шелкового пути, перемещение путей мировой торговли и, соответственно, мировой политики с суши на морские (в частности, Москат-Кантон) и океанские трассы. Караванные пути, проходившие по всей Евразии, с их изобилием обмениваемых товаров, с потоком войск, купцов, миссионеров, врачей, ремесленников, стали все менее оживленными и под конец собственно заглохли. Не только Степь, весь восток стал культурно отставать с XV века от Запада.

Стартовая позиция для европейской цивилизации была задана культурными достижениями Востока, международным обменом и, в частности, поисками золота для того, чтобы покрыть дефицит в расплате за восточные пряности, драгоценности, шелк. Монголы в значительной степени содействовали проникновению восточной культуры в Европу. Вернадский обращает в этой связи особое внимание на открытие и распространение книгопечатания, позволяющего в величайшей степени увеличить силу человеческой личности и мысли, фиксируя, сохраняя и передавая из поколения в поколение накопленные сведения и знания. С книгопечатания, собственно, ведет свое летоисчисление современная научно-техническая эпоха. Не позднее VI века в Китае уже практикуется способ печатания с

резных деревянных досок. В XIII-XIV вв. он проник в Европу и подготовил открытие Гуттенберга. Марко Поло обратил внимание на печатание в монгольской империи денежных ассигнаций. Огромное, по выражению Вернадского, всемирно-историческое значение “монгольского нашествия” состоит в том, что благодаря ему в рамках единого государственного целого соединились “народы различной, нередко очень высокой культуры”. Вместе с ксилографическим способом печатания монголы способствовали проникновению в Европу бумаги, гречихи, буровых скважин (В.И. Вернадский. Труды по всеобщей истории науки. – 2-е изд. – М., 1968. – С. 91-92). Даже открытие Америки Колумбом, вовсе не являющееся первооткрытием, приобрело значимость благодаря печати. Заинтересованные и исследователи могли отныне воспользоваться опытом предшественников, их данными и картами, а не “открывать заново Америку” (там же, с. 102-103).

С постколумбового времени Европа вырывается вперед и начинает затем довлеть над миром как единственная носительница “цивилизovanности”. Выяснение того, как и почему это случилось, – совершенно особая проблема. Тем более, что она к XXI веку теряет актуальность; ибо безусловное первенство Европы постепенно начинает отходить в прошлое. Мэмфорд связывает упадок Востока и возвышение Европы с верой в неограниченную власть цивилизованного, европейского человека над миром и над природой. Но конкретно именно машинная культура, освобожденная от каких-либо моральных ограничений в военном деле привела к господству Европы над миром. Что касается Степи, то ее угасание было предопределено полным исчерпанием потенциала той цивилизации, которую она породила и благодаря которой она известное время доминировала.

Каким-то подобием вспышки степной цивилизации были калмыцкая держава конца XVII – начала XVIII века. Ко времени ее образования и укрепления на Западе Степи шел рост Казахского ханства. В течение двухвекового самостоятельного существования как государство казахское ханство переживало трудные времена, но в целом находилось на подъеме. Гордое чувство, испытанное народом во времена великих ханов Ак-Нияза, Ка-

сыма, Есима, Тауке, нашло выражение в изречении: “Алаш Алаш болганда, Алаша хан болганда”. Оно означает: было время, когда народ алаш (народ, имеющий общий боевой клич, уран-алаш) высоко нес свое достоинство. А его ханом был хан, вознесший народ до высшей ступени расцвета. В этот период казахское ханство стало централизованным, был создан институт биев, сосредоточивших в своих руках административную и судебную власть. Общее собрание биев всего народа “алаш” было, по сути дела, высшим законодательным органом власти.

Калмыки вплоть до смерти Тауке-хана в 1717 г. воевали с казахами с переменным успехом. Слабовольный Болат-хан привел ханство к потере наработанного единства и сплоченности народа. Этим не преминули воспользоваться калмыки. Способствовало их планам случайное обстоятельство – взятие в плен шведского сержанта Рената. Он пробыл в плену у калмыков 16 лет, с 1717 по 1733 годы, смог наладить производство пушек, снарядов и даже типографии. Накопленный и внезапный удар 1723 года оказался достаточным для страшнейшего поражения казахов, которые попросту были деморализованы и сокрушены. Калмыцкое вторжение запечатлелось в выражении: “Ақтабан шұбырынды, алқа көл сулама”, т.е. казахи настолько ошеломлены, что бежали без памяти и без оглядки до тех пор, пока пятки не износились до белизны, а сами они не пали ниц от изнеможения. Беда калмыков, помимо исторической обреченности их агрессии, состояла в том, что они пытались вести войну на два фронта – на востоке с Китаем, на западе – с Казахским ханством. А геополитическая ситуация к этому времени разложила карты по-другому. Речь шла уже не о калмыках. Предстояло разделить кипчакские Степи между Китаем и Россией. Последняя заигрывала с калмыками для обеспечения более легкого завоевания Казахстана и с казахами якобы для противодействия калмыкам.²⁷ Союз Аблая с Китаем и принятие им номинального

²⁷ По мнению Ч. Валиханова, “сильное моральное влияние” Аблая привело к образованию патриотической партии. Другая партия, прорусская, имела “ничтожное” значение. “Русское правительство не имело в то время никакого значения” (т. 3, с. 302-303).

подданства были в этих условиях единственно приемлемыми шагами. После поражения 1723 года положение было настолько безвыходным и тяжелым, что оно заставило казахов найти в себе силы и объединиться, возбудило в них патриотическую волну, которая принесла великие победы. Они нашли отражение в названиях мест “Аңырақай” и “Қалмақ қырылған”, т.е. места “Стона” (калмыков по убиенным) и “Поголовного разгрома калмыков”. И в тот момент, когда надо было закрепить победу, Абулхайр со своими подданными младшего жуза и частью среднего жуза во главе Семеке покидают фронт из-за личных амбиций. Абулхайр принимает в 1731 году подданство России из-за того, что боится прежде всего своих соплеменников. Но Аблай, приняв российское подданство, выдержал линию отстаивания суверенитета Казахстана в целом. Он всячески избегал церемонии, согласно которой от лица царская администрация ему должны были вручить титул правителя, поскольку он считал себя законным избранником своего народа. Но дни самостоятельного существования единого казахского ханства были сочтены. Последним трагическим аккордом было движение Кенесары Касымова.

Часть территории, прилегающая к Степи с востока, окончательно под названием Восточный Туркестан отошла к Китаю. Территория Центральной Азии к западу от Алтая до Восточного Туркестана и к югу Сибири вплоть до Афганистана стала в XIX веке колонией России. Формально независимыми считались Бухарский эмират и Хивинское ханство (до 1920 года). На этой территории России ввела свое административное управление. В литературе она стала называться Русским Туркестаном, подразделяясь на Степь (Казахстан, за исключением его южной части) и собственно Туркестан (все остальное, встречается обозначение этой части Центральной Азии как “Узбекский Туркестан”). За Туркестанский рынок и за влияние в Афганистане столкнулись интересы Англии и России, позже получившие название “The Great Game”. Окончательная колонизация Центральной Азии Россией ко второй половине XIX века совпала с

процессом колонизации Западом и, прежде всего, Англией всего остального, как тогда было принято говорить, “нецивилизованного мира”. “Китайская карта” к этому моменту утратила свое значение. Выдвинувшееся на первый план соперничество Англии и России вызвало интерес во всем мире (вызвав поток путешественников с разных стран мира в Центральную Азию). Но особенно он был велик естественно в России и в Англии, пресса которых отмечала все факты, касающиеся Индии, Афганистана, Туркестана, ревностно следя за противоположной стороной, начиная от научных исследований и заканчивая нюансами политики на верхах метрополии. Характерна сама оценка региона Центральной Азии как “дикого”, “варварского”. Степь расценивается лишь как буфер между Цивилизованной Европой и “фанатичными дикарями”. Варварство уступит место цивилизации. Ибо это закон природы²⁸. В 1865 году братья Митчелл подготовили и издали книгу, в которой дали переводы трудов русских ученых о географии, экономике, традициях и других сторонах жизни народов Центральной Азии. Эти труды высоко оцениваются, в частности, подчеркивалось, что со времени Марко Поло и иезуита Гоеса ни один европеец не проникал в те места Центральной Азии, которые Валихановым так ярко описаны. Россия явно предстает как конкурент, но ей воздается должное как форпосту цивилизации в Центральной Азии. Считается, что лучше иметь дело с цивилизованной Россией, чем с “туземцами”²⁹. Когда Запад, после октябрьского переворота вмешался

²⁸ В европейской цивилизации, связанной с культурой машин, получила распространение, по мнению Л. Мэмфорда, доктрина неограниченности власти европейского (цивилизованного) человека над миром, над природой. Он ссылается на пометку Леонардо да Винчи в его записной книжке, связанной с нравственными сомнениями по поводу изобретения военных машин (в частности, подводной лодки). Это было бы сатанизмом дать их в руки бездуховного человека. Что могла поделаться кавалерия против усовершенствованных военных машин? *Technics and Civilization* Lewis Mumford. A. Harbinger. – New York, 1963. – Pp. 6-85.

²⁹ *The Russians in Central Asia, Their Occupation of the Kirgiz Steppe and the Syz-Daria, their political relations of the Chinese Turkestan and Dzhungaria* by Capt. Valikhanov, M. Venikov and other Russian Travellers / translated from the Russian by John Robert Mithell. – London Edward Stanford, 6. Churing Cross, 1865. Исходные установки изложены на стр. 6, 8, 9. На книгу не замедлил появиться обстоятельный обзор, свидетельствующий о том, что английская публика довольно квалифицированно представляла себе этническую картину

в гражданскую войну, то он опять-таки захотел иметь дело с “цивилизованной стороной” в лице бывших царских генералов, но не с лидерами национальных движений.

Российская колонизация Центральной Азии сопровождалась явлением значимым для русской культуры – интересом к Востоку, к Азии, захватившим умы таких людей, как Толстой, Достоевский. В России на основе деятельности целой плеяды непревзойденных исследователей³⁰ этого региона (многие из которых были просто влюблены в него) сформировалась выдающаяся школа востоковедения³¹. В русле ее традиций работали местные ученые, начиная с Ч. Валиханова и включая таких ученых, как А. Букейханов, А. Байтурсынов, К.И. Сатпаев, М.О. Ауэзов, А.Х. Маргулан.

Ч. Валиханов и первые казахские просветители (Алтынсарин, Абай) испытали обаяние русской культуры и надеялись через приобщение к ней народа каким-то образом найти путь к освобождению его от приниженного рабского положения. Они в силу обстоятельств времени не смогли выдвинуть практической программы национального возрождения, либерализации общественной жизни, выхода из пут колониальной зависимости.

Только после поражения России в русско-японской войне и революции 1905 года зародилась надежда на освобождение от колониального порабощения, возникли сомнения в вечности

региона и особенности быта (например, для нее под именем киргиз обозначается точно казак). *The Quarterly Review*. – July-October 1865. – Vol. 118. – Pp. 11-57. Известная *The Times* имела постоянную рубрику под названием *Russia and Central Asia*. См. Там же *Russia and Central Asia in 1889 and Anglo-Russian Question* by G. Curson. – London Goren and Co., 1889. Керзон особенно подчеркивает значение транскаспийской железной дороги в окончательной колонизации Центральной Азии. По этой дороге он пропутешествовал в ноябре 1888-январе 1889. См. стр. 1-15.

³⁰ Можно попытаться назвать хотя бы некоторых: Бичурин, Веселовский, Вельяминов-Зернов, Семенов, Ядринцев, Аристов, Потанин, Радлов, Мелиоранский. Без ссылок на них не может обойтись ни одно исследование Степи.

³¹ Конечно, развитие русского востоковедения в определенной степени стимулировалось заинтересованностью правящих имперских кругов в изучении края. Можно об этом судить хотя бы по материалам Ч. Валиханова, в которых специальное место занимает анализ экспорта и импорта России в Китай и Среднюю Азию с конкретным перечнем товаров, их стоимости, затрат на перевозку, анализ местной промышленности и торговли, картирование маршрутов, караванных путей наряду с изучением почвы, флоры, фауны, истории и психологии населения. (См. т. 1, с. 253-271, 327-340; т. 2, с. 253-280, 320-322, 327-340; т. 3, с. 87-96, 197-218, 232-299).

имперских сил. Антиколониальное, национально-освободительное движение, разрушение классических империй нового времени – одна из черт мирового развития в XX веке. На этой большой волне сформировалось поколение реформистов-демократов в Казахстане: Алихан Букейханов, Ахмет Байтурсинов, М. Дулат, М. Тынышбаев, М. Чокаев, М. Жумабаев, М. Ауэзов и другие. Они организовали движение Алаш-Орда на основе четких и ясных лозунгов равноправия казахов в рамках общероссийской федерации, прекращения захвата казахских земель, сохранения национально-культурной идентичности в противовес русификации. По мере кристаллизации их политической позиции они дошли до идеи национально-государственного самоопределения предоставления Казахстану статуса автономного образования в составе демократической парламентарной (возможно президентской) России. Они возглавили национальное движение и учредили Алашординское правительство. Если оно не смогло удержаться в ходе гражданской войны, то здесь сказались многие факторы³². В их числе неспособность консолидировать вокруг себя народ, а вернее разобщенность народа, отсутствие у масс сознания общенационального интереса и соответственная инертность, замеченная в свое время Сталиным.³³ А ситуация требовала не просто консолидации, а создания сколько-нибудь состоятельной национальной армии. Но традиции мобилизации воинского ополчения оказались утраченными.

Перед Казахстаном, осколком бывшей степной цивилизации, жестко стоит конкретная задача – модернизация, сочетание идентичности с духом времени. Она была впервые поставлена реформистами-демократами начала XX века. Шанс на ее решение был упущен дважды. Первый раз, когда возможность демократиза-

³² Правительство Алаш-Орды приняло целый ряд актов действительно демократических, подтверждая действие законодательных установлений Временного правительства о свободе совести, слова, собраний, неприкосновенности личности. Правилами о временном землепользовании на территории автономии восстанавливались права казахского народа, государства, общин и частных лиц на землю, попоранные переселенческой политикой.

³³ Характеристика деятельности национал-демократов М.В. Фрунзе уничтожающая. Он считает их “кучкой мелкобуржуазной интеллигенции” с малым политическим весом, за которыми нет массы. (См.: М.В. Фрунзе. Неизвестное и забытое. – М., 1991. – С. 189).

ции России и ее отношений с национальными окраинами была пресечена большевиками. Понеся большие человеческие, интеллектуальные, моральные жертвы, нация была отброшена назад в смысле внедрения в ее психологию вируса рабской неполноценности, не говоря уже об экологии. Во второй раз шанс появился во время горбачевской перестройки, во время так называемого огаревского процесса представители национальных республик наверняка готовы были удовлетвориться предоставлением им суверенитета в виде действительной автономии. Даже – прибалты. Скажем, программа Алаш-Орда по поводу автономизации Казахстана могла бы стать вполне реальной моделью.³⁴

Изо всех человеческих грехов самый непростительный – грех упущения. Историки формулируют это по-своему, прошлое не изменишь. Можно пойти дальше по пути фатального оправдания прошлого: то, что состоялось, – состоялось, и оно не могло состояться иначе. Синергетика допускает иной ход мысли: движение и развитие не исключают альтернатив, дивергенции, того, что “мелкие причины” могут повлечь за собой “значительные последствия”. Если так, то надо иметь в виду всю совокупность процессов, которые могли бы Степному Краю Казахстана позволить примкнуть к столбовой дорожке мировой цивилизации: возможность гуманитарных и экономических вкладов, скоординированность действий с соседями по региону, обретение сознательного целеустремленного проявления усилий всего общества сверху донизу, высокие духовные интересы и соответствующее ему волевое напряжение.

³⁴ Можно также напомнить о программе тюркской федералистской партии 1918 года, в которой были записаны такие вещи, которые совершенно созвучны современным требованиям относительно прав и свобод человеческой личности. *Central Asia Reader. The Rediscovery of History/* edited by H.B. Paksoy M.E. – Sharp. New York, 1994. – P. 123.

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ

Что предстоит испытать народу на пересечении Степи и Центральной Азии в грядущем столетии? Об этом думали Абылай и Кенесары, полагая, что ему должно найтись место под солнцем. Но помимо сохранения самостоятельного государства и территории их взор не проникал в то, каким конкретным содержанием сообразно времени наполнить суверенитет. Правда, издавна кочевникам приписывалось одно стремление: превратить всю землю в пастбища.³⁵ Якобы именно этим вдохновлялись имперские замыслы степняков. На смену этим мнимым стремлениям вместе с российской колонизацией пришла идея “земли для пашни”. На имперском уровне это означало первоначально изъять “излишки” земель у скотоводов в пользу земледельцев. В категорию “излишних” попадали самые лучшие и плодородные земли, перераспределяемые в пользу более “цивилизованных” русских переселенцев. Позднее идея “пашни” распространилась практически на удобные массивы по всей территории края для производства “самой лучшей пшеницы” в мире.

“Поднятая целина” в конечном итоге обернулась эрозией почвы, пыльными бурями. Последствия “тотальной пашни” на аридных землях оказались катастрофическими и для скотоводства (сужение кормовой базы, влекущее необходимость при-

³⁵ “Мнение, будто монголы не понимали культуры, и если бы могли, обратили бы всю землю в пастбища, опровергается фактами” (Бартольд. Соч. – Т. 11. – Ч. 1. – М., 1963. – С. 146). Пастбища не являются специфическим признаком кочевого образа жизни, связанного как с примитивным охотничье-промысловым хозяйством, так и с кочевой цивилизацией степи в смысле, обозначенном выше. Пастбищное содержание скота практикуется в нынешней мировой практике наряду со стойловым.

бегать к зерновой в виде комбикормов подкормке, которую в нужном количестве неспособна компенсировать малоурожайная пашня, т.е. в принципе “трудовое зерно” не способно быть эквивалентом “дармового” подножного корма) и в еще большей мере для экологии. Впору всерьез задуматься о проекте, аналогичном российскому, – “углеродные леса”, имея в виду их значимость для глобального экологического баланса, согласно которому в международном масштабе будет оказана поддержка делу сохранения и возрождения сибирских лесов. Ведь возрождение естественных пастбищ в степях Казахстана по своей экологической ценности могло бы стать проектом, приближающимся по порядку к “сибирскому”³⁶. В контексте наших идей этому проекту можно было дать название “Степь”³⁷.

Если же к тотальной зерновой агрополитике добавить превращение территории Казахстана в стартовую площадку для космических спутников (загрязнение ядовитыми ингредиентами при взрывах ракет), в полигон для атомных испытаний и многое другое (включая сброс отходов химического оружия), то не трудно представить, насколько экология края сделалась в значительной мере “неудобной” и для пашни, и для пастбищ. На первый план выступила “подземная кладовая” Казахстана, в которой, как говорят, – вся таблица Менделеева, причем, в размерах высокого

³⁶ Если не менять агрополитику, а следовать задействованным ранее тенденциям и добавить к ним технологические нагрузки от разработки природных ресурсов безо всякой оглядки на перспективу (разрушение почвы, ландшафта, погоня за быстротой и дешевой отдачей вкладов, гигантский рост отбросов), то степь превратится в сплошную пустыню, перемежающуюся горами “отваленной породы” и болотцем. Ведь уже сейчас, по заявлению министра экологии и биоресурсов Б. Ескина, в таком состоянии находится 60% территории Казахстана. См. Газета “Панорама” 20 июня, 1997 года.

³⁷ Естественно, пастбища к тому же могли бы способствовать возрождению древних промыслов, степной охоты с ловчими птицами, разведению лошадей (что в свое время привлекло Китай к этому краю), культивированию конного и иного туризма и т.д., и т.п. Ниши для зерна и других посевных культур, более экологически оправданные, могут найти себе место рядом с пастбищами и прериями.

“Особенно низкоую” урожайность зерновых и естественность возврата зерновых площадей под пастбища отметил исполнительный директор Международного Совета по зерну Ж. Деки. См. Панорама 27 июня 1997 года. К тому же надо учесть, что “вся прибыль” от зернового производства “забирается директорами и чиновниками” (там же).

порядка³⁸. Недаром первым президентом национальной Академии был геолог К.И. Сатпаев, а геологическая национальная школа заложила основу для современных оценок и прогнозов относительно полезных ископаемых. Естественно, такое положение дел породило надежду на полноценное суверенное развитие Казахстана, опирающееся на горнопромышленный комплекс и добычу полезных ископаемых. Приоритетность подобных надежд и расчетов лежит прямо на поверхности. Судить о том, насколько добыча и эксплуатация подземных ресурсов обернется пользой для народа Казахстана и даже процветания казахстанского общества, как и обо всех подобных ожиданиях, позволит только жизнь. Опыт упований на обновление, свободу и “лучшее будущее” в перестроечное и теперь уже в постсоветское время покамест не оправдался ...

Имея ресурс в виде богатства недр и выбрав “бесповоротно” путь вестернизации, рынка и демократии, стоит ли придавать серьезное значение рассуждениям о том, на каком духовном уровне находится казахстанское общество и какими духовными ориентирами оно предполагает руководствоваться? Поэтому и теоретически, и практически (“трезвые практики” вообще недолголюбивают всякое излишнее “мудрствование”) проблема идентификации мыслится как псевдопроблема, отвлекающая внимание, и предлагается стратегия: начинать с “чистого листа”³⁹ и “идти по пути Запада”. Тем более подразумевается, что размышления об идентичности задевают тонкий слой интеллектуалов и слишком далеки от непосредственных интересов масс, вынужденных заботиться о хлебе насущном. Но тем не менее всплывают факты, демонстрирующие, что в головах людей что-то копошится. Это “что-то” идет не столько от невежества, хотя и непросвещенности хватает, и задано вполне определенной заидеологизированной идентичностью.

³⁸ Первое место Казахстан занимает по урану (в области разработок которого запутанная ситуация с приватизацией) (См. “Панорама”, 30 мая 1997 г.), бариту (превышение остальных мировых запасов в 1,1 раза), вольфраму (в 1,2 раза превышение мировых запасов). По золоту Казахстан занимает седьмое место в мире. Существенна доля других ресурсов в процентах от их суммы в мировом масштабе, медь – 10%, цинк – 13%, хром – 40%. (См. газету “Панорама”, 13 июня 1997 года).

³⁹ Эволюция государственности. – Алматы, 1996. – С. 327.

Переименовали одну из алма-атинских улиц и дали ей имя Мустафы Чокая, так не замедлило появиться заявление о “реабилитации” “басмача и эсесовца”⁴⁰. Значит, живет когда-то запущенная легенда КГБ, за которой скрывался определенный прицел и смысл. И вообще, советское руководство хоть и давило на мозги людей прямым диктатом, но не забывало о том, чтобы внушить народам, кто они есть и от куда ведут свою родословную. Свое “лицо” нацменьшинства должны были соизмерить с двумя основаниями. Во всякой культуре внушалось настойчиво, есть элементы, зачатки демократизма⁴¹ и социализма (коммунизма). И, во-вторых, нацменьшинства имеют “вековые корни” дружбы с “великим русским народом”, связанные единством исторических судеб, общностью интересов угнетенных классов и “цивилизующей ролью” России по отношению к Востоку. На обоих этих основаниях мы еще будем иметь возможность остановиться чуть подробнее ниже.

Если отвлечься от условий конфронтации коммунистической и западной идеологии и попытаться оценить ближайшее по времени наследие, определенным образом предвосхитившее современное национально-государственное самоопределение, то мы должны напомнить о деятельности реформаторов-демократов Казахстана начала XX века. Их имена на слуху всех: А. Букейханов, А. Байтурсынов, М. Дулатов, М. Тынышпаев, М. Чокаев, М. Ауэзов. Все судьбы казахского народа они связали с лозунгом “Оян, казак!”, т.е. пробудись. Речь шла конкретно об автономии в рамках федеративной демократической России. Условия момента и размышления о выборе пути модернизации своего общества подтолкнули некоторых из них к идее “Единого Туркестана”. Имелся в виду регион, который исторически обозначался по разному: Туран, Степь и Мавераннахр, Центральная Азия, Средняя Азия и Казахстан. В том числе он назывался также Туркеста-

⁴⁰ Организация “Рабочее движение” именно в этом смысле высказала протест (см. “Панорама от 6 июня 1997 г.).

⁴¹ “За демократию” были обе стороны в период “холодной войны”, упрекая противоположную сторону в извращении демократии, в подделке ее.

ном. Народы населявшие регион, имели общие корни генетические, исторические, культурные, конфессиональные.

Вопрос об историко-культурном базисе, необходимом менталитете в определении судеб Казахстана, казахстанского общества испытал за последние пять лет большую амплитуду колебаний. Здесь наблюдалась резкая волна тотального отторжения от всего коммунистического, советского, русского. Кажется, эта волна спала и раздаются голоса более спокойные, считающие, что в опыте советском было кое-что полезное, которое неплохо бы использовать и продолжить. Были и стремления докопаться до древнейших пластов истории до тенгрианства и зороастризма, как мировоззренческих оснований, лежащих в фундаменте этническо-культурной идентичности насельников территории Казахстана.

Пыл в обсуждении не столько поостыл, сколько вроде бы потерял остроту и актуальность. Координаты определены: рыночная экономика и демократия в западном их понимании. А разговоры об идентичности по инерции продолжаются, хотя весь комплекс проблем считается сконцентрированным на том, насколько нам удастся выдержать выбранных линий развития. Проще исходить из того, что можно начать все “с чистого листа”, не забывая голову всякими историческими тонкостями, сентиментами и предпочтениями. Но идеи, а главное, связанные с ними привычки (адет калады), не исчезают, “как сон, как утренний туман”. Легко изменить название улицы, можно даже разрушить “Берлинскую стену”, но “стены” и “коридоры” души остаются, направляя действия создавая тупики изоляции и замкнутости. Притча Уорвелла о том, что люди, отрицая определенный порядок вещей, начисто его “переворачивая”, воспроизводят его и, подчас в худшем виде, наверное, имеет некоторое общее значение. Казалось, совсем недавно сочинялись оды в честь социализма и шла ожесточенная конкуренция по поводу того, кто лучше превознесет “преимущества социализма”. Сейчас в моде другое: ругать “тоталитаризм”, превозносить “рыночную экономику”. Что касается менталитета и традиций “досоветских”, то исследования и рассуждения по этому поводу идут как бы “сво-

им ходом”, как некие благодные воспоминания о “славном прошлом”, не соприкасаясь с реальной и трезвой каждодневной политикой. А между тем социалистическая идея, как ее воспринимали такие умы, как Ясперс и Гэлбрейт, не канула “в реку забвения” вместе с развалом СССР. И то, что приходится переживать Казахстану, вовсе не отринуто от ближайшей и отдаленнейшей истории. Есть к тому же опыт истории, который пережили другие народы в XX веке, находясь в состоянии не меньшего кризиса и не меньшего падения в экологическом и нравственном отношении. Не говоря уже о кризисе системы “военного коммунизма” 20-х годов в СССР, великую депрессию испытали США, на грани полнейшего развала находились побежденные во второй мировой войне Германия и Япония.

Перспектива, которую изберет Казахстан на XXI век и в которую он будет вовлечен, складывается из двух разнопорядковых обстоятельств. Первое – это мобилизация внутренних ресурсов, решимость и способность к модернизации казахстанского общества в соответствии (или в приближении) к технологическим, культурным, социальным и особенно образовательным требованиям современности. Второе обстоятельство мировой фактор – геополитическая ситуация в целом. XIX век прошел под знаком европейского господства. Америка и большая часть России представлялись частью европейской цивилизации. XX век прошел в геополитическом отношении, несмотря на попытку Германии дважды установить свою гегемонию в мире, как противостояние и сотрудничество США и России (СССР), начиная с Вильсона и Ленина, включая Сталина и Трумэна, заканчивая Бушем и Горбачевым. Поразительно, как в литературе после окончания Второй мировой войны роль США и России (СССР) не только всячески превозносилась и преувеличивалась. Этому находилось “историческое обоснование” в ссылках на намеки и предсказания мыслителей и историков предшествующих времен чуть ли не с XVII века. Лишнее доказательство обычно исторической аберрации – считать современное состояние вещей вечным и неизменным.

Сейчас видно, что неожиданный совсем, “мирный”, почти как “февральский 1917 года”, коллапс России как СССР поначалу представился как приход “американского века” США, оставшихся без контрагента. Достаточно напомнить оценки и прогнозы Буша и Бейкера начала 90-х годов. Нынешний расклад сил по “весовой категории”, прежде всего, по решающему измерению, динамизму (вкуче с демографическим фактором), значительно корректируют эти оценки, если не сказать больше. Разумеется, не остывает пыл гуманистов-демократов, которые, начиная со времен Канта, мечтают о “вечном мире” и мировом гражданско-правовом порядке и думают, что подоспел “конец истории” (Фукуяма) в смысле близкого и окончательного торжества ценностей западной демократии. Всем же стало понятным, что в них – базис всех человеческих взаимоотношений, начиная с международных и кончая личностными. Естественно, подыскивается соответствующая духовная основа в некоей философской вере, общей для всего человечества и далекой от всякой конфессиональной нетерпимости. Кстати, на Востоке могут найтись исторические предтечи в виде Аль-Фараби, Чингисхана, Шакарима. А с космической – натуралистической и теологической – точки зрения такая эра в виде ноосферы предсказывалась Вернадским и Тейяр де Шарденом.

Идет бесконечная тяжба мечты и реальности, в которой обычно торжество достается реальности. Но и мечты вторгаются в жизнь, продолжают вдохновлять человеческие головы и не думают уступать дорогу слишком трезвому реализму и расчетливости. Покамест “реалистический расклад” говорит о возможном доминировании азиатско-тихоокеанского региона.

Для Казахстана нынешняя геополитическая конъюнктура оказывается связанной с той традицией, которую он испытал в XVIII веке, определяя свое место между двумя державами: “Срединной империей” и “Российской империей”. Исторически Казахстан (как часть кочевой цивилизации) и Китай на всем протяжении истории имели между собой непростые, в значительной мере конфликтные отношения. Это, как отметил в свое время еще Ч. Валиханов, настолько запечатлелось в общественном сознании

казахов, что существовали пословицы, связывающие “конец света” с китайским засилием⁴². Но реальная политика, связанная с именем Абылаем, была ориентирована на Китай⁴³. Противоположная ей “русская партия” в то время имела незначительное влияние, вопреки легенде о “добровольном” присоединении к России и благодатном влиянии России на сохранение казахского народа от джунгарского нашествия.

Ближе к нашему времени, в условиях колониального процесса, в прессе стала преобладать ориентация на Россию, возможно, отражая безвыходную для тех времен ситуацию, в которой оказался Казахстан. Просветители в лице Валиханова, Алтынсарина, Абая пытались извлечь из самого процесса колонизации определенные позитивные стороны – приобщение к более передовым способам хозяйствования, к достижениям культуры русского народа, а через них – к западноевропейским. Они были убеждены, что русское просвещение можно соединить с древней культурой Востока (Валиханов, Абай) и модернизированным исламом (Абай). Прорусская ориентация было доминирующей вплоть до гражданской войны 1917 – 1920 годов. Поколение реформаторов-демократов ожидало возрождение казахского народа и модернизации казахского общества в союзе и при патронаже со стороны России, вставшей на путь демократизации и вестернизации. Но одновременно они мыслили эти процессы на основе пробуждения национального самосознания, на базе всестороннего приобщения к предшествующим духовным традициям до

⁴² “Акыр заман келгенде, кара кытай каптайды”. Чисто исторически, казахи здесь перепутали “кара-киданей” с населением “Срединной империи”, которые в свое время покорили Северный Китай, основали династию Ляо и от имени которых в определенных странах жителей “Срединной империи” стали называть китайцами. Эти-то кара-кидани во главе с наследным царевичем Кутлугом в начале XIII века устроили жестокие гонения на мусульман, что и отпечатлелось в сознании казахов.

⁴³ Еще Ч. Валиханов, задаваясь вопросом, “что держит и крепит Китай”, отмечал, что соседние “народы, покорявшие Китай”, не могли “не уважать китайскую цивилизацию, ибо им не было причины... ненавидеть и презирать” ее (т. 2, с. 220). “В Китае... есть много такого, что следовало бы перенять нам”. Тут трудолюбие, народная гордость, уважение к своей истории и тщательное ее запечатление, высокие моральные требования, запрещающие иметь правителю имущество и “пускаться в обороты”, поскольку он должен думать о подданных, а не о своем добре (там же, с. 228).

мусульманским, тенгрианским, древнетюркским и мусульманским, связанным с теми достижениями, которые обозначены названием “Мусульманский Ренессанс”.

Негативный опыт разобщенности антибольшевистских сил в гражданской войне, в том числе конкретно в региональном масштабе, дал основание для идеи объединения всего населения Центральной Азии под эгидой “Единого Туркестана” как средство противостояния России. Эти идеи имели определенное историческое основание: общность исторических судеб, культурного наследия, менталитета, уходящих вглубь веков. Генетически население региона имело общие корни. Но как генетическое образование центрально-азиатский регион в истории самостоятельно не обособлялся, хотя входил в различные империи частями и целиком. Как бы то ни было, сама возможность объединения всего региона казалась большевикам опасной с точки зрения их политического господства и обусловила политику “национального размежевания”, проведенную в 1924-1925 гг. Такой компетентный исследователь Центральной Азии, как В.В. Бартольд, считал эту политическую акцию лишеной серьезных оснований. Если уже проводить политическую демаркацию, то надо было, по его мнению, сохранить во имя истории особый статус Хорезма. 70 лет обособленного административного-политического и культурного существования отдельных частей региона, в конечном счете в виде пяти союзных республик, создали ситуацию, когда реконфигурация пространства в смысле слияния “единой туркестанской нации” в единое государство Туркестан представляется почти невероятной.

Не говоря уже об отдаленной истории, в лексиконе царской администрации, в исследованиях ученых самых различных стран вплоть до последнего времени термин “Туркестан” был в самом широком обороте. В России вплоть до октября 1917 года в ходу были выражения “Туркестан”, “Туркестанская область”, “Туркестанский край”. В самых различных вариантах в годы гражданской войны фигурировал “Туркестан”: “Туркестанская автономная советская социалистическая Респуб-

лика”, “Туркестанский фронт”, “Турккомиссия ВЦИК и СНК РСФСР”, “Туркестанское бюро ЦК РКП (б). Слово “Туркестан” встречается часто в реляциях М. Фрунзе, который был членом комиссии ВЦИК и членом комиссии ЦК РКП (б) по делам Туркестана (См. М. Фрунзе. Избранные произведения. – Т. I. – М., 1957, а также Фрунзе М.В. Неизвестное и забытое. – М., 1991, в частности, статью “О положении в Туркестане”, с. 186-191).

С понятием “Туркестаном” в советском словоупотреблении произошел провал после 1924-1925 гг., оно исчезло из лексикона, будучи замененным словесным оборотом “Средняя Азия”, “Казахстан и Средняя Азия”. Кажется, история повторяется. В словаре советологов понятие “Туркестан” было в ходу, обозначая неприятие политики “национального размежевания”. Теперь оно грозит исчезнуть из западных исследований. Находятся замены типа “Центральная Азия”, “Средняя Азия”, “Срединная Азия” (“Central Asia”, “Inner Asia”, “Interior Asia”). Единственное серьезное основание для всей этой истории состоит в том, что акция большевиков оказалась эффективной, сознание быть “туркестанцем” и “мусульманином” действительно подвергалось деструкции. И насколько возможно его возрождение – вот проблема.

Можно понять соответствующие инвективы с осуждением “тюркофильства”, “пантюркизма”, “панисламизма” в бывших советских сочинениях, поскольку это было необходимым блоком идеологической системы “интернационализма”. Но сейчас уже трудно найти первоисточник легенды о “пантюркизме” на территории Центральной Азии. Наверное, она возникла в недрах царской администрации. Удачность этой акции в контексте традиционного противостояния России и Османской империи очевидна. Позже в годы гражданской войны эта “утка” возродилась в виде “тюркской угрозы” для цивилизованного мира. Единственным намеком у аборигенов на панисламизм могла быть деятельность И. Гаспринского. Его “пантюркизм” сводился к идее русско-мусульманского единства под имперским российским патро-

нажем, обеспечивающим мусульманам “Культурную автономию” (См. И. Гаспринский. “Русско-восточное соглашение” и “Русское мусульманство” в книге “Арабски” Истории. – М.: ”Танаис”, 1994. – С. 370, 374, 375, 393, 405).

В самой Центральной Азии не было никакого пантюркизма, помимо легенды о нем. У Магжана Жумабаева, Заки Валиди Тогана, Мустафы Чокая, Баймурзы Хаита, Х. Паксоу мы найдем идею “единого Туркестана”, которую точнее было бы обозначить как “туркестанизм”. В 20-е годы идею единства Туркестана отстаивали Т. Рыскулов и М. Ходжаев. На Западе и в мире самой известной публикацией на тему “Туркестан” является работа М. Чокая “Туркестан под властью Советов”. Она была издана на французском языке с предисловием Pieer RenayDel. Maustapha Tchokaeff ches Les soviets en Asie Centrale. Paris, 1928, также на русском (Париж, 1935), на турецком, казахском и английском (Reprint Series, № 8, Society for Central Asian Studies, Oxford, England, 1986) языках. Идею “единого Туркестана” он проводил через свое издание “Яш Туркестан”. Туркестан присутствует в поэтической проповеди исторических истоков казахов в творчестве Магжана Жумабаева, который он связывает с именами Коркута, Фараби, Абая (М. Жумабаев. Шығармалар. – Алматы, 1989. – 60, 167-169, 172, 173, 186-188, 221-229 беттер).

Отмечая несовпадение этнографических и политических границ Туркестана, Чокай отделял Западный (Советский) Туркестан от Восточного (Синьцзян) и афганского. Предметом его забот был именно советский Туркестан, включавший по административной номенклатуре до 1917 года Хиву, Бухару, Туркестанский и Киргизский края и часть Астраханской губернии. Согласно М. Чокаю, наследие этого региона составляло “одну нацию”, несмотря на отличие таджиков от остальной массы. Советские власти с опаской относились к идеям Мустафы, прибегая к разным формам их критики, начиная с табу на упоминание его имени и заканчивая прямой фальсификацией. Свидетельством последнему является инспирированный спецслужбами роман “Падение Большого Туркестана”.

Из исследователей, возобновивших чокаевскую постановку вопроса, следует отметить Б. Хаита, чья известная работа “Туркестан в XX веке” вышла в свет как раз в период, когда впервые прозвучала критика “культы личности”. В этой и последующих работах он подвергает критике обозначение Туркестана в виде “Казахстан и Средняя Азия”, призванное в свое время закрепить “национальное размежевание” в словесной формуле. Бытующий в западной литературе термин “Центральная Азия” Хаит считает неудачным, поскольку им объединяется политически и этнически разнородное пространство. Соединение в одно целое наряду с пятью советскими республиками Северной Индии, Ирана, части Пакистана, Афганистана, Монголии. Тувы, Хакасии ему представлялось искусственным. Тем самым, утверждал Хаит, теряется “лицо туркестанца” он растворяется в безликой массе “центрально-азиатов”. Термин “Туркестан”, настаивает Хаит, позволяет народу, живущему на этой территории, иметь правильное представление о своем культурном наследии и геополитическом положении.

Несколько непонятно негативное отношение к этой идее со стороны западных исследователей, наметившее в последнее время. Ранее советологи как раз туркестанскую идею брали на щит. Так, Олкотт видит в декларировании некоторыми центрально-азиатскими лидерами историко-политической общности дань церемонии. Только при взгляде на эту субстанциональную потребность со стороны возможно ее поверхностное отрицание и трактование ее как трансформированных церемоний старых (подразумевается: советских) праздничных деклараций о дружбе народов, солидарности рабочих и любви народа к партии. Здесь издавна, по ее мнению, существовали народы с разной идентичностью. Региональное единство было кратковременной реальностью при Чингисе и Тимуре и идейной платформой тех, которых она называет “пантюркистами” периода революции и гражданской войны. Сталин счел платформу “Единого Туркестана” потенциальной угрозой для власти партии и разделил регион на пять республик. Об этой акции, получившей название

“национальное размежевание”, мы до сих пор многого не знаем, не располагаем полной картиной замыслов ее вдохновителей. С точки зрения иронических замечаний Олкотт, ныне разговоры об едином Туркестане отражают мечты туркестанских изгнанников в Америке, или пантюрксистских националистов в Стамбуле, или боязливых российских наблюдателей в Москве, старающихся побудить Запад к организации борьбы против новой “исламской угрозы”. Можно согласиться с ней. Добавим, что между самими новыми центрально-азиатскими государствами нет должного согласия. И во внешнем мире существуют могущественные интересы, противостоящие всякому стремлению к региональному объединению.

Этнографические, исторические и иные различия, этнокультурные противоречия вкупе с советскими политическим делением явно делают идею “Единого Туркестана” анахронизмом. Адептами ее были Мустафа Чокай, Заки Валиди Тоган. До настоящего времени ее защищают Баймурза Хаит, Паксоу. Но определенные стороны концепции “Большого Туркестана” оказывают влияние на понимание той идентичности, которую предстоит возродить, сохранить и продолжать, в том числе казахскому народу и Казахстану. Популярны в казахской среде возведения собственной идентичности к орхоно-енисейским памятникам, к Бильге-кагану, Кюль-тегину, к чингизидам. Обширное культурное наследие, в которое внесли свою лепту выходцы из Центрально-азиатского региона (Фараби, Ибн-Сина, аль-Хорезми, Рудаки, Фирдоуси, Баласагуни и многие другие), признается духовной предпосылкой современного самосознания народов региона. Само его геополитическое расположение наталкивает политиков на необходимость регионального сближения и с точки зрения обеспечения суверенитета каждого из членов перед лицом могущественных соседей с севера и востока, и с точки зрения поиска путей выхода к мировой торговле. Мощной подпоркой для этих действительно жизненно важных процессов, встречающих сопротивление как изнутри с точки зрения политических амбиций, так и извне, могло бы явиться создание

единого культурно-информационного пространства, что помимо высвобождения из под эгиды российских СМИ, прежде всего TV, содействовало бы повышению уровня культуры местных СМИ и расширению информационного банка. Немаловажное значение мог бы иметь процесс латинизации, на который уже вступил Узбекистан. Облегчился бы обмен культурными ценностями внутри региона и вне его (прежде всего, с Турцией), приведя в той или иной мере к вестернизации культуры (что уже сейчас имеет место, особенно в рекламе, средствах связи, компьютерах, экономическом словаре, торговом жаргоне и различных трафаретах), к сближению со всем массивом западной (желательно классически-европейской) культуры и технологий.

Исследователями, в частности, таким видным востоковедом, как В.В. Бартольд, Туркестан отличался как особый феномен историко-культурного порядка, занимающий пространство от Лобнора до Каспийского моря. Две его крупные работы специально посвящены⁴⁴ этому сюжету. Здесь получил развитие симбиоз кочевья и земледелия, здесь соприкоснулись европеоиды и монголоиды, иранские и тюркские языки. Ранние поселения этой территории, как отмечено в греческих, персидских и китайских источниках, это саки, арии по происхождению. Со времени превращения “Шелкового Пути” в мировую трассу, рассказы об этом регионе с легкой руки купцов становятся широко известными. Благодаря двукратным завоевательным движениям гуннов и переселением народов сюда были вытеснены племена усуней и юе-чжи. В более поздние времена арабские путешественники народы региона от Каспия до Алтая именовали общим термином “тюрк” (по Бартольду: *тюрк*).

Производным от него стало обозначение “тюрк эль”, т.е. государство, держава, созданная тюрками. Если в значитель-

⁴⁴ В.В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. – Л., 1927 // В.В. Бартольд: “Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии”: соч. Т. 5. Он негативно отнесся к “национальному размежеванию” Туркестана, считая его искусственным. По поводу перспектив его мнение таково: “Будущность Туркестана, как всякой другой страны, зависти от того, какое положение будет принадлежать ему в мировой торговле” (1 Соч. Т. 2. – Ч. 1. – М., 1963. – С. 166). Ориентацию на Дальний Восток Бартольд расценивал как бесперспективную. Нынешнее состояние и нынешние традиции не дают оснований соглашаться с В. Бартольдом.

ной мере культурное влияние в доминирующей степени шло от согдийцев, то в антропологическом и в языковом отношении в Туркестане преобладал тюркский (и монгольский) элемент. На базе улусов Чагатай и Джучи после распада Золотой орды начинаются современные политически-этнические процессы.

В XVI-XVII вв. название “Туркестан” применяется в суженных размерах к присырдарьинской полосе и конкретному торговому политическому и культурному центру, ранее именовавшемуся Ясы. Но в исторической литературе и в трудах западных путешественников термин Туркестан употребляется широко в значении, близком древнему.

Россия после завоевания Ташкента и Коканда образовала Туркестанское генерал-губернаторство, границы которого простирались от Арала да Балхаша и от Памира до Каспия. Им контролировались протектораты: Бухара и Хорезм. То в более расширенных, то в более суженных размерах термин “Туркестан” применялся в политическом словаре советской администрации до 1925 года. Ленин выделял под названием “Туркестан” Кокчетав, Кустанай, Тургай, южную часть Сибири до реки Иртыш, автономную республику Туркестан, Бухару и Хорезм.

Ирония по поводу Туркестана может иметь единственное оправдание: “Единого государства “Туркестан” в объеме Центральной Азии (пяти союзных республик и нынешних пяти суверенных государств) к XX веку не существовало.

Напоминаем, что ранее с термином “Туркестан” было не до иронии. Всякое обращение к каким-то историческим истокам, к тюркской культуре и исламу и усмотрение исторической общности в регионе Туркестана клеймилось как “буржуазный национализм”, “панисламизм”, “пантюркизм”. В качестве примера сошлемся на высказывания А. Бернштама. “В интересах национализма, оборотной стороной которого является попытка укрепления позиций “мулл и ханов” тюркскими учеными, велась пропаганда извечности существования тюркского народа, его былой самостоятельности и его былого владычества... Небезызвестно течение пантюркизма...” (А. Бернштам. Социально-экономи-

ческий строй орхоно-енисейских тюрок VI – VIII веков. – М.-Л., 1946. – С. 29). Если уже А. Бернштам склонен был прибегать к таким пассажирам, то что говорить о тех, кто специально отслеживал намеки на инакомыслие.

В самоопределении Казахстана мы выделяем два основных параметра: идентичность и ориентация на Запад (т.е. рынок и демократию). Что касается первого параметра, то он выглядит крайне расплывчато и, главное, не очевидно. Преимущества второго параметра предстают как вполне очевидные, закрепленные “мировым общественным мнением”, а главное, повсеместно внедряемы, начиная от образцов рекламы и стандартов образования и заканчивая ходячей и, в особенности, экономической терминологией, безмерным и безоглядным подражательно-обезьяньим “Вестерном”. “Вестернизация” вместе с той же латинизацией, благо в определенных пределах, имеет свою меру. Наша позиция: очевидное – в принципе, невероятное. Оно служит чаще всего для “отвода глаз”. Нет необходимости прибегать к коммунистической критике Запада и западных ценностей, достаточно приглядеться к той самокритике, которая существует на Западе. А еще лучше не поддаваться магии красивых слов об “обетованной земле”, наконец-то воплощенной в реальность на Западе. Можно, к примеру, не соглашаться с анализом “феномена западнизма” произведенным в книге А. Зиновьева “Запад” (М., 1995), но достаточно взглянуть на действительно очевидные факты и убедиться в том, что коллапс СССР дал шанс Западу на установление своего господства в мире, и он не собирается упустить своего шанса. “Дорога в ад вымощена добрыми пожеланиями и намерениями” – это известно с давних пор. Но каждый раз новые “доброхоты” находят желающих добровольно залезть в приготовленные сети.

Если попытаться непредвзято и без околичностей взглянуть на реальность, то она могла бы кое-что подсказать не закамуфлированное в радужную оболочку. Ведь на наших глазах (на глазах человека, который вошел в сознательный возраст) арабские страны смогли сделать экономически и культурный прорыв только за счет

одного национального контроля над своей нефтью. И никакого отношения этот прогресс не имеет к конфронтации западной и коммунистической идеологии, поскольку некоторые арабские страны официально исповедуют ислам. Китай демонстрирует с 1978 года стремительный рост, хотя “права личности” и “западные ценности» вообще не приняты в рассмотрение на государственном уровне. Мало того, Запад вкладывает туда не спекулятивные вклады, а реальные, служащие цели развития производства и внедрению новейших технологий инвестиции, не взирая на идеологические аргументы. Да какой расчетливый бизнесмен, не говоря уже о сколько-нибудь дальновидной политике пользуется идеологической риторикой⁴⁵, хотя точно знает, какая кому служит и как ею можно пользоваться для демагогии и рекламы.

Значит существует одна возможность быть под господством Запада, “прельщаться” их ценностями и быть их “слугой”. И вторая, которая подсказывается инстинктом самосохранения, желанием отстоять себя. Любой живой организм расшатывается и становится уязвимым, если разрушена его иммунная система. Идентичность и есть иммунная система государства, народа, страны. Но речь идет о системе, о целом. Для механической частички понятие идентичности не имеет смысла. В какое окружение, в какую реальную среду войдет Казахстан или захочет войти, этому надо отдать трезвый отчет. А это значит осознать решающие доминирующие силы глобального порядка и то, чтобы собою представляет современный Запад вне идеологических миражей и иллюзий⁴⁶.

⁴⁵ Идеологическая, т.е. субъективно направляемая риторика, со времени Аристотеля и аль-Фараби расценивается как ничего не имеющая общего с моралью и истиной, служащая для оболванивания людей.

⁴⁶ С профитом чаще всего совмещается предпочтение быстрой отдаче капитала, надежной и менее рискованной. Не исключено и хищническое извлечение сырья. Скажем, добыча мрамора путем взрыва на территории залегания. В данном случае сиюминутная выгода обернется просто уничтожением самих запасов сырья, которые потеряют всю свою пользу и привлекательность. А главное, будет затронут наряду с национальным общечеловеческий интерес, ибо экология Земли неделима. И разве можно считать, что с рынком и западной демократией пришел “конец истории”, и человечеству остается только продолжать путь по накатанной колее, если не быть просто апологетом нынешних доминирующих на Западе структур (см. Fukujama, Francis. The end of History and the last man ...).

И в противоположность ему следует иметь в виду точки зрения Рассела Керка и Ноама

Запад ныне стал окончательно реальностью, не символом, не географическим понятием, а социальным образованием особого типа, которое одержало верх в конфронтации с “Востоком”, под которым разумелся “коммунистический мир”, “мировая социалистическая система”. Идеологически это трактуется как “разрушение” “империи зла”, торжество “либеральной “идеологии над “коммунистической”. Обыденное (и не только обыденное) сознание на постсоветском пространстве воспринимает это событие как замена лозунга “Да здравствует коммунизм – светлое будущее всего человечества!” на лозунг “Да здравствует капитализм!”.

В числе внешних факторов доминирующего значения для Центральной Азии и Казахстана в первую очередь привычно называют Россию. Действительно, это самый большой осколок бывшей советской империи при всех колоссальных потерях с военной, стратегической и экономической позиции втягивает в свою орбиту, в особенности Казахстан, самым сильным образом. Прозрачная граница, большая диаспора, хотя и значительно уменьшившаяся⁴⁷, культурное, языковое и информационное влияния вдобавок к указанным общим факторам, имеющимся в той или иной мере, не позволяют преуменьшать значение российского фактора. Тем более в менталитете казахского народа в той мере, в какой он наследует традиции своих просветителей и которую в различной степени продолжили и реформаторы-демократы начала XX века⁴⁸, совместное движение с Россией и под ее патронажем считается само собой разумеющимся вариантом.

В контексте перспектив развития Казахстана часто повторяется идея евразийства. Поскольку под ней подразумевается раз-

Хомского, подвергающих критике идею установления мирового порядка по западному образцу (Russel Kirk. “Neue Weltordnung: Pax Americana” // Epoche. – №1. – 1992; Noam Chomsky. “Die Funfte Freiheit”. – Berlin, 1988).

⁴⁷ Увеличилась процентная доля казахов.

⁴⁸ Правда, А. Букейханов называл себя “западником”. Речь шла о возможности приобщения к европейской культуре. Для Ч. Валиханова будущее казахского народа мыслилось в триаде “Казахстан – Россия – человечество”. Противостояние Советам породило идею любым способом найти выход к “внешнему миру» прямо к Европе или на Востоке, в Азии – к Японии. Здесь лежат корни беспочвенного обвинения в репрессиях 30-х годов в “связях с японской разведкой”.

личное и часто неопределенное содержание, есть смысл очертить ее более конкретно. Исторически евразийское движение возникло в среде русской эмиграции как попытка уяснить судьбы России в контексте октябрьского переворота. Этот анализ привел к исследованию истоков зарождения российской государственности, ее предпосылок, связи с империей Чингисхана и Золотой Ордой, пересмотру целого ряда устоявшихся постулатов относительно противостояния Руси и Степи, более углубленному рассмотрению связи с ландшафтом и климатом. В конечном счете был выделен особый массив Евразии, отличающийся ландшафтно-климатическим своеобразием, общностью исторических судеб, которому предназначено, соответственно, свое место на карте мира. В определенной мере в этом направлении шли размышления Валиханова. Мы же позволим себе обратиться к тому, как евразийство нашло выражение в творчестве Л.Н. Гумилева, чрезвычайно популярного в Казахстане и России. Он имел смелость выдвинуть идею этнологии и этногенеза в то время, когда эти сами термины представлялись инородными для системы истматовского формационно-классового подхода. Каждая его книга воспринималась как вызов официальной историографии и открытие иных горизонтов. Недаром его имя и труды находились под негласным отлучением⁴⁹, а генсек К.У. Черненко нашел необходимым включить в доклад о текущих проблемах идеологии грозные предостережения о недопустимости биологических подходов к толкованию сущности человека, целиком и насквозь социальной. Взгляды Л.Н. Гумилева нашли выражение в его отношении к степной цивилизации (“Хунну”, “ХУнну в Китае”, “Древняя Русь и Великая степь”), к тюркам (Древние тюрки”), к монголам (“В поисках вымышленного царства”), к хазарам (“Древняя Русь и Великая степь”). Безусловно справедлива критика Гумилева европоцентристского представления о “степных этносах Евразии” как “серой массе варваров, враждебных всякой

⁴⁹ И, наконец, концептуализация его подходов, нашедшая выражение в тексте “Этногенез и биосфера земли”, в силу своей одиозности вообще не смогла пробиться в открытую печать, а была депонирована.

культуре, и, главное, европейской цивилизации (“Древняя Русь и Великая степь. – М., 1992. – С. 320). Заслуживает внимание переоценка роли чингисовской империи в мировой истории, а также с точки зрения влияния ее на этнополитическое сложение централизованного Российского (там же, с. 262). С точки зрения идеи Туркестана важны конечные выводы Гумилева, поскольку они имеют прямое отношение к геополитическому самоопределению региона в целом и Казахстана в частности. Тюрки, по мнению Гумилева, оставили за своей спиной славное прошлое, а в настоящем – только имя и лингвистическое обозначение семьи тюркских языков. Монголы, установив во времена Батыя в значительной степени союзнические и в определенной степени имперские отношения (иногда формальные) с русскими князьями, защитили Русь от католичества и Запада (тогдашнего). Но затем монголы растворились в тюркской массе коренного населения (здесь Гумилев в противоречии с собой, считает, что тюрки как таковые сохранились по крайней мере до XIV века), а частично вошли в кровное родство с русскими (не наоборот ли?) и крестились. В степи, согласно легенде о царстве “просвитера Иоанна” сильно было распространение христианства. Была возможность, предполагает Л. Гумилев как теоретик, христианам объединиться с монголами и раз и навсегда одержать решительную победу над мусульманами (см. Там же, с. 313, 326, 364, 412. См. Также: В поисках вымышленного царства. – М., 1992. – С. 156, 159, 300).

Степь со времен Владимира Мономаха, по мнению Гумилева, стала зависимой от Руси, а с распадом Золотой Орды превращается в ее придаток. Тюркофильство и монголофильство Гумилева лишь частные моменты понимания им связи России и Степи. Главный стержень его концепции – особая роль России и православия как ее идеологии и мировоззрения. Степь рассматривается позитивно только в притяжении к России. Перспектива Степи в отчуждении от Запада, от Китая (этносы Степи и Китая трактуются как враждебные изначально и, по сути, не комплементарные) и Ирана.

Точка зрения Гумилева как евразийца пользуется популярностью потому, что не всегда широкая общественность внимательно вникает в характер моды. Но есть и более глубокое основание: давняя и сильная традиция Казахстана – прорусская. В силу военной, экономической зависимости от России, значительной русифицированности коренного населения, наличия сильной русской общины прорусская ориентация довлеет в современном общественном сознании казахстанского общества. Привлекательность гумилевских трудов не облегчает задачи выяснения общетеоретических, собственно философских предпосылок его этнологической концепции. Дело в том, что наряду с верными наблюдениями, достаточно выверенными тезисами о связи географии с историей, ландшафта и климата с образом жизни и ментальностью человеческих коллективов, в его взглядах встречаются чисто метафорические и спекулятивные понятия. Центральное понятие в его учении – пассионарность – не более, чем метафора, поскольку оно никак не объясняется, а лишь название для фактов подъема и возвышения того или иного этноса. Чрезвычайно упрощенно, чтобы не сказать резко, изображаются им также большие мировоззренческие системы, как зороастризм, шаманизм, ислам.

Но как бы не подходить к евразийству Гумилева и к его этнологической концепции, в любом случае критиковать его, не читая его трудов, по меньшей мере не корректно. С таким, на первый взгляд непонятным, курьезом мы сталкиваемся в книге Л. Грэхэма, который открыто заявляет, что он ничего не читал из собственных трудов Гумилева, а опираясь на две коротенькие рецензии, дает анализ и критику этнологической концепции Гумилева, по объему равную сумме этих рецензий⁵⁰. Но за его стран-

⁵⁰ Одна из них была апологетической, другая – критической. “Lev Gumilev and issue of ethnic Relations” in: “Science, Philosophy and Human Behavior in the Soviet Union”, Loren CRAMER. – New York, Columbia University Press, 1987. – Pp. 250-257, 476. Тем не менее Грэхэм высказывает ряд критических безапелляционных суждений вроде: Гумилев “спекулянт”, “консерватор”, “биологизатор” социальной истории. Можно согласиться с замечанием Грэхэма о том, что закрытость советского общества делала те или иные материалы недоступными для стороннего наблюдателя. Но в случае с Гумилевым это верно лишь в отношении указанной депонированной работы. Его труды издавались задолго до выхода в

ностью скрывается другое, а именно конфронтационная идеология. В значительной части (несмотря на конкретику частных) эта идеология с обеих сторон не имела никакого реального содержания. Она была эквилибристикой, камуфлирующей апологетику “своей стороны” либеральной или коммунистической ссылками на человечность, гуманность, идеалы и нравственные ценности. Зато для “противоположной стороны” подбирались слова, с негативной и чисто отрицательной эмоциональной нагрузкой типа “кровавая диктатура”, “голый чистоган” и т.д.

Этот пример чрезвычайно актуален и показателен для сегодняшнего постсоветского пространства, в том числе для Казахстана. Вчера с идеологической подачи Запад воспринимался через призму конфронтации как нечто целиком враждебное без всякой оглядки на реальное положение вещей. Сегодня с той же безапелляционностью все, что идет в суверенные государства на территорию бывшего СССР с Запада, безо всякого разбору при-

свет книги Грэхэма. (См. список: Гумилев Л.Н. 1) О термине “этнос” (Доклад отделений и комиссий ГО СССР. – Л., 1967. – Вып. 3. – С. 15-17; 2) Этнос как явление // Там же, с. 90-107; 3) Этнос и категория времени // Там же, Л.; 8) Гетерохронность увлажнения Евразии в древность // Там же, 1966, №6; 9) Гетерохронность // Там же, 1967, №6, с. 120-129; 10) географии // Там же, 1967, №6, с. 120-129; 11) Этногенез в аспекте географии // Там же, 1970, №12, с. 83-93; 12) О соотношении природы и общества согласно данным исторической географии этнологии // Там же, 1970, №24, с. 39-49; 13) Этнос – состояние или процесс // Там же. 1971. №2, с. 86-95; 14) Сущность этнической целостности // Там же, 1971, М24, с. 97-106; 15) Этнология и историческая география // Там же, 1972, №18, с. 70-80; 16) Внутренняя закономерность этногенеза // Там же, 1973, №6, с. 94-103 и др. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли: автореф. дис... д-ра географ. наук. – Л., 1974. – 28 с.; 2) Этносфера как одна из оболочек Земли: (Вопросы физической географии и палеографии) // Учен. зап. ЛГУ М388. Сер. географ. – Вып. 25. – Л., 1977. – С. 24-32; 3) Этногенез и этносфера // Привода. – 1970. – №1. – С. 46-55; №2, с. 43-50; 4) Этногенез – природный процесс // Там же, 1971, №2, с. 80-82; 5) Г.Е. Грумм-Гржимайло и рождение науки об этногенезе // Там же, 1976, №5, с. 112-121; 6) Биосфера и импульсы сознания // Там же, 1978, №12, с. 97-105; 7) Искусство и этнос // Декоративное искусство. – 1972. – №1. – С. 36-41; 8) Пространство и время Великой: степи // Там же, 1979, №5, с. 31-35; 9) Этносы и природная среда // Рациональное использование природных ресурсов и охрана, окружающей среды. – Пермь, 1980. – Вып. 3. – С. 24-29; 10) Взаимодействие наук. Человек и природа. – 1981. – С. 56-71; 11) Этногенез и биосфера земли. – Л., 1989; Гумилев Л.Н. 1) Древние тюрки. – М., 1967; 2) Хунны в Китае. – М., 1974; 3) Открытие Хазарии. – М., 1966 и др.

О степени основательности доводов Грэхэма можно судить по тому, что он ссылается на разговор с одним из оппонентов полемики по поводу концепции Гумилева. Еще более симптоматична сама аргументация, использующая классические марксистские тезисы. Книга Л. Грэхэма была переведена на русский язык.

нимается как образец для подражания. Вопреки сложившимся традициям, а подчас и вопреки здравому смыслу, перенимается то, что и на “самом Западе» подвергается осуждению и критике. Больше всего это практически задевает сферу образования, где сейчас господствует пестрая смесь прежней советской системы образования с чисто американскими стандартами. Преданы забвению самооценки со стороны о достоинствах и преимуществах советского образования. Ныне как никогда образование в силу социальных и научно-технических обстоятельств нуждается в повышении его интеллектуального и эстетически-творческого компонентов, а не в технизации и специализации. Для региона Центральной Азии и Казахстана ориентация на так называемые “мировые стандарты” может существенно повлиять на разрыв между требованиями жизни и образованием.

Но самое главное для Казахстана как такового и его связей внутри региона Центральной Азии состоит в возможно более продуманном самоопределении к Западу. Ушла в прошлое эпоха Киплинга, когда, антитеза Запад – Восток воспринималась через призму опыта “Британского содружества наций”. Наивные надежды противников большевизма, выраженные формулой “Запад нам поможет”, в свое время не оправдались. Есть основной, глобальный и всеобъемлющий факт, под углом зрения которого мы должны оценивать явление Запада на сегодняшний день. Этот факт – победа Запада в конфронтации с коммунистическим миром, это оформление Запада как некоего целостного образования. И это, наконец доминирование Запада в результате краха СССР и вполне естественное устремление укрепить это доминирование и довести его до безусловного господства в мире.

Высокий жизненный стандарт, высокие технологии и атрибутика публичной власти – таковы основные параметры Запада в том виде, как он преподносит себя остальному миру и так, как воспринимается он во многих частях постсоветского пространства, другие его стороны, менее представленные в зеркале идеологии, как бы не существуют, когда общественными идеалами выдвигается “рыночная экономика” (социальная, сво-

бодная и т.д.) и “западная демократия” (либеральная, плюралистская, открытая и т.д.). Контрастом к этим идеологическим иллюзиям являются различные критические концепции Запада на Западе, в том числе и такая солидная, как теория конвергенции. Согласно последней, Запад не является абсолютной противоположностью коммунизма, а развивается “конвергентно”, т.е. включает в себя некоторые черты своей противоположности коммунизма. Наиболее резко расходится с нынешней эйфорией по поводу “либеральных ценностей” та концепция Запада, которую выдвигает и развивает А. Зиновьев в книге “Запад. Феномен западнизма”. Автор, известный в свое время как диссидент и критик советской социальной системы, ныне под углом зрения сопоставления коммунизма и Запада находит возможным говорить и о плюсах коммунизма в смысле коллективных начал и человеческой солидарности. За исходную основу своих рассуждений Зиновьев берет социально-философскую посылку, что само государство является владельцем денег, собирает налоги, тратит громадные суммы.

Задаваясь вопросом, почему в современном мире получило распространение безудержное восхваление частной собственности и всех тех индивидуалистических проявлений, эгоизма, жестокости, попрания всяких моральных принципов, которые издавна критиковались, бичевались, презирались во всех мировых религиях и в мировой художественной литературе, Зиновьев находит конкретный адресат, заинтересованный в идеологическом отбрасывании “элементарных правил приличия” (с. 126). Это, прежде всего, Запад. Затем – тот коррумпированный слой, который взрос внутри и вокруг правящей элиты советского режима. И, наконец, этот же слой и класс новых собственников, который получит свою долю от процесса “либерализации” по западным предначертаниям. “Эксплуатация страны в интересах Запада осуществляется силами незначительной части населения колонизируемой страны, наживающейся за счет этой ее функции и имеющей высокий жизненный стандарт, сопоставимый с таковым высших слоев Запада” (Зиновьев, с. 419).

Насколько картина, нарисованная Зиновьевым, применительно к России может быть сопоставлена с реальным процессом, происходящим в Казахстане, мы попытаемся наметить отдельными штрихами. Начнем с природных ресурсов, на утилизацию которых, как мы уже отметили, возлагаются главные надежды на экономический рост и обеспечение благосостояния казахстанского общества.⁵¹

Есть вполне определенная государственная политика, в которой делается расчет на безусловную благотворность восприятия “рыночной экономики” и “демократии”, т.е. развития по “пути Запада”.

Несомненно, что разгосударствление собственности произошло таким образом, что часть общества что-то получила, разбазарила в своих интересах общественное богатство, пустила его в спекулятивно-торговый оборот. Что касается вхождения в “мировой рынок” за счет природных ресурсов, т.е. добычи сырья и перемещения его на внешний рынок при посредстве западных компаний, то он совершается при условиях экономической зависимости от указанных компаний. Опасения по поводу “перелива” нефтедолларов через “край”, что отрицательно скажется на других отраслях производства и что поэтому их надо “накапливать” на особый счет для целей стратегического развития, явно преувеличены. Сторонний наблюдатель – Стивен Леворн, советник по макроэкономике, считая, что создание отдельного бюджета от продажи нефти породит тенденцию заполучить их в чьи-то конкретные руки, оценивает положительное значение притока денежных средств от продажи нефти не очень высоко. За вычетом выплат пенсий какой-то излишек может, с его точки зрения, должен был появиться не раньше 2001 года, скорее – позже.⁵²

И никакие радужные перспективы, рисуемые Н. Балгимбаевым, бывшим премьер-министром, бывшим президентом

⁵¹ “Из-за, обладания богатыми природными ресурсами здесь все не так просто... Однако похоже, что государственные чиновники больше озабочены удовлетворением собственных appetitов, нежели благом народа” (Такио Эндо – в газете «Заман Казахстан», 23 мая 1997 г.)

⁵² Газета «Панорама», 20 июля 1997 г.

“Казахойл”, опирающиеся на разведанные и прогнозные запасы нефти, газоконденсата и природного газа⁵³ покамест не влияют на стратегию внешних инвесторов, предпочитающих добычу и экспорт сырья, при котором Казахстану достается роль “трубопровода”. На самом деле месторождения передаются инофирмам в полное распоряжение. Так вся деятельность на Карачаганаке находится целиком в руках подрядчика Альянса Бритиш, Газ/Аджиб, а за местным АО “Карачаганак-газпром” остается лишь функция сервисного обслуживания (Газета “Панорама” 20 июня 1997 г.) В других случаях инвестиции не эффективны, поскольку они попросту представляют импортные кредиты, которые растаскиваются и исчезают не дойдя до производства (там же).

Реальность нынешнего рынка в Казахстане такова, что если один конец его уходит за кордон в виде нефти, металла, зерна, мяса и т.д., то его другой, тамошний, дополняющий его “конец” явно далек от каких-либо намеков на цивилизованность. Его деталями наполнена, жизнь и ими пестрят газеты. Перечислим некоторые: “медный лом”, добываемый из проводов, из кабелей, из любой аппаратуры, фальсификация товаров (“самопальная водка”, “самопальные сладости”, “самопальные напитки” и даже “самопальная селедка”), обмер и обвес покупателя, подтасовка сертификатов качества, невыполненные услуги (См: к примеру газета “Караван” 30 мая 1997 г, с. 1 и др.).

С рынком, рыночной экономикой, а тем более – с мировым рынком связывают представления о свободе, о гармоничном согласовании спроса и предложения – далекие от истории, а тем более от сегодняшнего дня. Оставляется вне поля зрения главное – насколько возможна пересадка строя жизни, стереотипа, поведения людей одной страны, одной цивилизации (или ряда стран на другую почву, к народам с иными традициями и иной ментальностью, скажем, российской или степной. Насколько такая трансплантация – сложный процесс, доказал опыт России, а вместе с

⁵³ Он приводит такие цифры: 2,8 млрд тонн нефти и газо-конденсата, 1,7 триллиона куб. м, природного газа = разведанные запасы. Соответственно, прогнозные ресурсы 13 млрд тонн нефти и 6 триллионов куб. м, природного газа. – Там же.

ней – тех народов, которые вовлеклись в водоворот ее развития. На протяжении одного столетия им приходится дважды испытывать внесение инновации с Запада, сначала, коммунистических (1917), а потом капиталистических (1991), причем они расцениваются как антагонистические по отношению к друг другу⁵⁴. Причем в первый раз коммунизм как детище Запада и западных интеллектуалов пришелся ко двору, к характеру русского народа⁵⁵. Нынешняя волна “с Западом” связана с иными условиями, но во всяком случае она является внешней. Предстоит или быть “в волне” Запада или попытаться выбрать самостоятельное “течение”, не впадая в изоляционизм.

Мировой опыт показал и доказал, что народы не одинаковы. То, что подходит для одного народа, оказывается несовместимым с ментальностью другого народа. Причем дело может касаться как мелочей быта, обрядов, традиций, так и принципиальных жизненных установок. Это мнение разделяют такие непохожие друг на друга люди, как Июлыг-Тегин, Гумилев, Зиновьев. Так, плодами западной цивилизации могут воспользоваться любые страны и народы, но станут ли они от этого Западом, будет ли строй их жизни западным, получит ли в них развитие и преобладание “западный тип человека”? Потерпит ли реальный нынешний Запад зарождение наряду с ним, подле него другого Запада? Если согласиться с Зиновьевым, то Запад – явление уникальное, неповторимое как по своей предыстории, истории, социальному строю, человеческому материалу.

Он не сводим ни к капитализму, хотя капитализм является его предпосылкой и условием. Он не сводим к тем внешним чертам, которые атрибутируются Западу (частное предпринимательство, “свободный рынок, плюрализм, демократия и т.д.), которые в той или иной мере наличествуют в нем.

⁵⁴ Собственно говоря, коммунизм и капитализм (реальный, современный, а не идеологически упакованный) серьезными исследователями не расцениваются как противоположности, достаточно сослаться на Гэлбрэйта. Еще более тесное сходство между ними усматривает Зиновьев, хотя и выделяет особый феномен, которому он присвоил обозначение “западнизм”

⁵⁵ См.: Зиновьев, с. 430-431.

Трудно сформулировать, что имеется в виду конкретно под “свободным рынком” применительно к Казахстану. Скорее всего теоретически подразумевается внутренний рынок, который “свободен”, т.е. никем не занят, нечто вроде вакуума, который предстоит занять тамошним владельцам частной собственности (кто ее “завел” или “получил” по случаю, которым, возможно, предстоит стать “капитанами индустрии”) или иностранным владельцам капитала. Рынок в обыденном смысле понимается в виде барахолки, оптовок, продажи оптом, не мелкими партиями, продажа семечек и водки с рук, набора продуктов в “комках” (комок – лавка). Даже тот, кто вступает в псевдоминирынок барахолки, должен совершать определенные вынужденные действия: платить за “место” (никак не оборудованное), иметь дело с поборами официальных и неофициальных лиц. Пока реальный рынок, по словам председателя Сената О. Байгельди (“Панорама” 11 июля 1997 г.), состоит в том, что “республика продает за рубеж хлопок, шерсть, кожу, пшеницу, природные ресурсы (надо бы эту статью поставить на первое место в перечне – *А.К.*), а потом закупает сделанную из всего этого продукцию импортного производства вместо того, чтобы наладить свое собственное производство и обеспечить работой население”. Существует мнение, получившее распространение и вне страны, что иностранцы скупают “по дешевке” ресурсы республики. Так, по мнению Председателя японского фонда новых исследований и информации Нагатоми, рынок в Казахстане пока представляет “хаос”. Что касается привлечения иностранных инвестиций, то ему предпочтительным представляется опыт Китая, который “очень активен в привлечении капитала, но очень осторожен в продаже предприятий. Так как это достояние народа” (там же).

“Реальная рыночная экономика, западных стран – это сложнейшее переплетение всевозможных средств организации грандиозного процесса и всевозможных способов управления им. Только наивные люди могут верить, будто эта важнейшая сфера жизни западного общества пущена на самотек, представлена самой себе и какой-то мифической “невидимой руке”. Я думаю, что

если бы можно было измерить всю интеллектуальную, волевую, расчетную, планирующую и командную работу, которая делается в сфере рыночной экономики Запада, и сравнить ее с соответствующей работой коммунистической командно-плановой системы, то мы были бы потрясены убожеством второй в сравнении с первой именно в том, за что вторую подвергали критике на Западе” (А. Зиновьев. Запад – Феномен западнизма. – М., 1995. – С. 4, 44).

Развить национальную экономику или иными словами добиться действительного суверенитета значит совершенно открыто, без идеологических иллюзий, сохраняя национальные интересы, строить отношения с внешним миром, в том числе и прежде всего с Западом. В случае с инвестициями приоритет должен принадлежать насыщению внутреннего рынка на первых порах за счет предприятий, в которые вложен иностранный капитал. Это должно подготовить рост собственной индустрии, способной удовлетворить внутреннего потребителя. И, в конечном счете, собственное производство страны должно стать способным к экспорту промышленной продукции. То же самое касается экспорта сырья, в котором сейчас усматривают основу для ближайшего процветания Казахстана. Только если вырученная валюта целенаправленно и оперативно будет направляться на создание собственной производственной инфраструктуры, только тогда она может послужить основой экономического роста. Но для этого необходимым условием является национальный контроль над природными ресурсами. Никакая внешняя атрибутика суверенности не может заместить реального состояния дел, того, кто же действительно является хозяином и кто способен поступить по-хозяйски. В этом отношении, т.е. в отношении полновластности, положение Казахстана как страны обладающей запасами нефти можно сравнить с арабскими странами. Они действительно в течение сравнительно небольшого срока – за четверть века – смогли сделать прорыв и преуспеть в экономическом развитии. Сопоставление Казахстана с этими странами показывают, что Казахстан фактически находится на уровне этих стран пятидесятих годов. Речь идет не о доходе на душу населения (хотя это важ-

ный показатель), а о том, насколько эти страны в то время были несамостоятельны, зависимы от западных компаний⁵⁶. Правдивость высказанных нами суждений можно продемонстрировать на одном факте. Всесторонняя геофизическая разведка запасов нефти на Каспийском шельфе недоступна отечественным ученым, ее материалы находятся в Хьюстоне⁵⁷.

Как большой прорыв на мировой рынок нефти расценивается проект строительства нефтепровода на Новороссийск. Не подчитывая заранее дивидендов, априори можно сказать, что в нем наряду с плюсами есть и недостатки. Если рассуждать геополитически с точки зрения традиций, в проекте несомненно присутствуют российские интересы. Что в нем есть солидная доля интересов Запада, это очевидно само собой. Но главный минус состоит в том, что нефтепровод построен на чужой территории. Тот, кто делает это, по сути дела, кладет золото в чужой сейф. К тому же хозяин территории, собственно говоря, может перекрыть или перерезать нитку. В подобных случаях выигрывает – на стороне посредников. Гораздо более предпочтительным с сугубо расчетных выгод является проект нефтепровода в сторону Китая, ибо здесь нет посредников, “нагревающих руки”. Но его выгоды выглядят еще более весомыми на фоне тех традиций, которые были заложены Аблаем и Чоканом Валихановым. Плюс они перекрываются нынешними тенденциями роста значимости азиатско-тихоокеанского региона, которому прочат многие исследователи доминирование в мировой экономике XXI века. Ныне “райскую жизнь” обещают Казахстану и Туркестану заокеанские доброхоты, привлекая лозунгами “рыночной экономики” и “демократии”. Пора бы народам на

⁵⁶ См.: М. Оспанов. Газета “Панорама”, 23 мая 1937 г. Сопоставление ВВП на душу населения в ОАЭ (Объединенные арабские эмираты) и Казахстана – достаточно грустное. В 60-х годах арабские страны наряду с иностранными стали создавать совместные самостоятельные компании, увеличив концессионные платежи с иностранных фирм, и только в 70-х годах взяли все дела в свои руки.

⁵⁷ Министр науки и технологии В. Школьник комментирует этот факт кратко: “Никто не хочет вкладывать средства в развитие науки другого государства”. Мало того, есть люди, заинтересованные в закупке иностранной техники, тем самым препятствующие развитию местных научно-технологических новшеств (“Панорама”, 6 июня 1997). Дискриминации подвергаются не только отечественная наука и производство, но и местные “рабочие руки”, замещаемые импортными рабочими (“Казахстанская правда”, 30 мая 1997 г.).

суровом опыте истории убедиться в том, что идеальное общественное состояние недостижимо. Но отказаться от стремления к достойной жизни и высоким духовным ценностям человечество не может. На пути к ним стоит движение Запада к установлению мирового господства. Всем странам на постсоветском пространстве уготована “колониальная демократия”. А вместе с господством Запада стандартом жизни станет безудержный индивидуализм и все те “прелести”, которые щедро обрушиваются на человека с экранов западного телевидения.

Речь идет о Западе, окончательно укрепившемся в борьбе против коммунизма, о Западе как “сверхэкономике” денежного капитала, а не о первичной экономике западных стран и их народов. В мире есть силы, противостоящие установлению тотальной власти денежного механизма. Есть внутренние силы сопротивления внутри самих западных стран, о чем свидетельствует наличие критического подхода к апологии Запада на самом Западе. Существует Китай и арабский мир. К этим благотворным силам может присоединиться и Казахстан. В конце концов, речь идет о самом Западе. Сможет ли он отойти от той инерции, на которую он вступил в XX веке и в которую он стремится вовлечь все человечество?

Выдержит ли Запад эту нагрузку или ему предстоит, как прочим имперским образованиям, рухнуть в силу определенных причин? В числе прочих обстоятельств будущее будет зависеть от того, поддастся ли окружающий мир западнизации, найдет ли он в себе силы для самосохранения по разным локусам планеты. А может быть, произойдет внутренняя эрозия по причине растворения его людского материала в наполняющей его извне эмигрантской массе? Ведь нечто подобное случилось с чингисовской империей, в которой как капля в море растворилось немногочисленное монгольское воинство⁵⁸. В конце концов народы Центральной Азии также принимают участие в процессе, который либо принесет окончательное торжество Западу,

⁵⁸ См.: Л.Н. Гумилев, Древняя Русь и Великая степь. – М., 1993. “Монгольская “капля” в кипчакском море растворилась почти без следа” (с. 636, см. также 781 стр.).

либо пресечет эту тенденцию. И сейчас он мучительно проходит по телу социального организма Казахстана. Идея суверенности, возможного национально-государственного возрождения, определенного уровня благосостояния народа, без духовной основы повиснет в воздухе, останется безжизненным скелетом. “Имей мужество пользоваться собственным умом!”. Этот призыв Канта к просвещению человеческого разума как к предназначению человеческого рода, сохраняет актуальность и на пороге XXI века. Понимание и доведение понятого до тех, кто стремится понять есть тоже часть общечеловеческих стремлений. Возможно, понимание поможет избавиться от прежних ошибок, а не следовать пути, на котором одни иллюзии и стереотипы заменяются на противоположные.

Для возобновления культурно-политического наследия в постсоветском центрально-азиатском пространстве и преемственного развития традиций более всего необходим разрыв с “единомыслием”⁵⁹, которое чаще всего направляется конъюнктурными, временными ориентациями и интересами. Это значит – нужен плюрализм, нужна как воздух свобода слова, независимость выражения мнений и оценок от властных структур. Нужно отказаться от мнения, что все видно только “сверху”. Без свободы мысли и мнений общество закрыто от самого себя, проекты демократизации пустая декорация. Что же касается культурно-политической интеграции, то она также завязана на свободе слова, но уже в рамках общего регионального информационного пространства.

Степь, о которой мы говорили, – фрагмент большой истории человеческого рода. Но из совокупности таких фрагментов

⁵⁹ У казахов, писал Ч. Валиханов, правители “были всегда ограничены советом старейшин, представителей черного народа” (Соч. Т. 2, с. 438). Конфуций противопоставлял “единение” путем “единообразия” “единению” через “разнообразие”, обозначая первое через термин “тун”, второе – через термин “хэ”. См. Л.С. Переломов. Конфуций: жизнь, учение, судьба. – М., 1993. – С. 195-199. Беспрекословное исполнение без учета мнений исполнителей – причина дефектов, препятствующих обеспечению качества, в производстве. Более того, в дефектах и сбоях по большей части виноват руководитель, а не исполнитель. Успех в достижении качества зависит от поощрения инициативы и творческого самовыражения личности (гл. III, VI и особенно VIII книги Исикава Каору. Японские методы управления качеством. – М.: Из-во “Экономика”, 1988. – Стр. 122-130).

складывалась и продолжает складываться человеческая жизнь на земле. Если сегодняшний мир будет восприниматься со школьной скамьи под углом зрения лишь определенной части западного мира, то воспитанник такой школы может столкнуться с иной, ему непонятной, частью мира. Он не будет готов к переменам, в которых претензия на исключительность определенной традиции будет расцениваться как шовинистический анахронизм.

Разноликость мира, его прошлое, комбинирующие вклады всех частей станет основой более интегрированного человечества. Мы должны быть готовы к вызовам истории, в котором образы прошлого займут достойное место. Человеческое измерение, возможно, не упростится, а наоборот, углубится и предстанет не плоским и унифицированным, а чрезвычайно дифференцированным.

СТЕЛЫ КОШО-ЦАЙДАМА

Стелы, на которых выбиты тексты в честь Кюль-Тегина и Бильге-кагана, представляют собой только часть, хотя и важнейшую, историко-мемориального комплекса, занимающего довольно обширную территорию.

Открытие Н.М. Ядринцевым орхонского комплекса было совершено им во время экспедиции Кяхты-Эрдени-Цзу, где им было обнаружено большое количество исторических памятников, свидетельствовавших о наличии в свое время в этом регионе различных культов шаманизма, распространение буддизма и несторианства, развалин роскошных резиденций монгольских ханов. Но у него сложилось предварительное суждение о необходимости вернуться из Эрдени-цзу по Кокшин-Орхону. “Путь по Кокшин-Орхону мог представить особый интерес, так как Кокшин-Орхон не наносился до сих пор на карту, во-вторых по вопросам мы узнали, что не далее как на следующей станции, на урочище Кошо-Цайдам, находятся какие-то загадочные памятники, фигуры людей и надписи, которые монголы не могли прочесть” (Из “Отчета Экспедиции на Орхон, совершенной в 1889 году действительным членом Восточно-Сибирского Отдела, Императорского Географического общества Н.М. Ядринцевым по поручению Отдела” – Географический дневник, опубликованный как приложение V к Сборнику трудов Орхонской экспедиции. – СПб., 1892. – С. 100). По прибытию в урочище Ядринцев не смог ничего путного добиться от местных жителей, которые либо отрицали наличие каких-то памятников, либо не хотели указывать их местонахождение. Только после заявления, что

Ядринцеву известны люди, которые прочтут надписи, он и его сотрудники были препровождены к мемориальному комплексу, где экспедиция проработала с 18 по 20 июля 1889 года. О своих первых впечатлениях Ядринцев высказывается следующим образом: “Могилы с аллеями камней, с возвышавшимися таблицами, со львами у подножья, огромными монументами, с надписями, как и гробницы с узорами цветов, все это обнаруживало известную роскошь и показывало, что могильники принадлежали выдающимся людям” (там же, с. 105). “Ясно, что эти могильники были у какого-то культурного народа, обладавшего искусством и эстетическими потребностями” (там же, с. 106).

Что касается китайской надписи, то именно в связи с ее прочтением мы можем судить о размахе резонанса орхонского открытия Ядринцева в кругах мировой научной общественности. В.П. Васильев пишет: “Когда экземпляр снимков Орхонской экспедиции был препровожден нашим посланником китайскому правительству, то оно не только приняло его с благодарностью, но и поспешило сообщить отзывы своих ученых о содержании и значении” этих снимков (Сборник трудов Орхонской экспедиции. – Вып. III. – СПб., 1897. – С. 1). К этому акту Васильев добавляет свое суждение о том, что здесь впервые было положено начало сотрудничеству китайского правительства и его ученых с европейской научной общественностью. Содержание китайских надписей на орхонских памятниках хотя по предмету пересекается с тюркским текстом, по своей идеологии и направленности в известном мире противоположно ему. Начиная с провозглашения общих мировоззренческих постулатов в духе традиционно китайского понимания неба, действия сил Инь и Ян, продолжая утверждениями о взаимной дружбе Китая и иноподданцев и дани последних Китаю и кончая уверениями в родственных чувствах, испытываемых китайским императором к Бикехану (Бильге-Кагану) как к сыну, а тем самым и к усопшему – его младшему брату. Китайская надпись выдержана в едином стиле. К китайскому тексту Цзун-ли Ямын приложил свои замечания. Согласно им, эпитафия сочинена и написана танским императором

ром Сюань-цзуном. “Император написал буквы для вырезки на памятнике; поставил кумирню с истуканом, а по четырем стенам нарисовал батальные виды, для чего приказано было шестерым лучшим художникам отправиться. Нарисовано было так изящно, что тамошние жители говорили, что никогда подобного не бывало. Когда Моцзилян смотрел, то непременно плакал” (там же, с. 8).

Надпись на памятнике Могилян, продолжает комментатор, написана тем же самым лицом, т.е. императором. Здесь примечательно сравнение покойного с Ян-цзы, который был лучшим учеником Конфуция, а Могилян для императора – больше чем сын, он то же самое, что Ян-цзы – для Конфуция. Рассказывается в тексте о взаимоотношениях двух братьев. А именно: Кюль-Тегин (Кюе-Тэ-Цзан) сделал возможным возведение на престол Могиляна (Моцзиляна). Последний считал, что по заслугам престол принадлежит Кюль-Тегину. Но младший брат не смел принять предложение старшего брата, и тот принял сан верховного правителя. О Могиляне говорится, что он по природе был человеколюбивым и дружелюбным. Зато Кюль-Тегин характеризуется как “искусный в сражениях”.

Комплексу в свое время были нанесены повреждения, но всей видимости умышленные. Да и со времени открытия его в 1889 году Н.М. Ядринцевым нельзя сказать, чтобы предпринимались серьезные усилия по обеспечению сохранности от погодных и иных факторов, в том числе от расхищения. Поэтому судить о том, что представлял комплекс в первоизданном виде, не приходится. Одно из первых описаний кошоцайдамских памятников мы находим в “Сборнике трудов орхонской экспедиции. Предварительный отчет о результатах снаряженной с высочайшего соизволения Императорской Академии наук экспедиции для археологического исследования бассейна реки Орхон Б.В. Радлова. С приложениями” (СПб., 1892, с. 7-8).

О сохранившихся элементах мемориала дают представление материалы, собранные В.В. Радловым в “Атласе древностей Монголии” (вып. 1, 1892). Святилище после разрушения

его уйгурами было частично восстановлено тюрками как подданными киргизов. Во времена Хубилая (1260 – 1294) памятник Кюль-Тегину был известен. После, в течение 700 лет он был в забвении. Со времени его возрождения он стал претерпевать “культурные” опустошения. Для реставрации ничего не делается, зато кое-что переворачивается, вывозится...

Вся площадь мемориала была, как предполагают исследователи, застлана сырцовым кирпичом и деревом. Памятник старшему брату Бильге-кагану (докоронационное его имя Могилян), т.е. “Мудрому кагану”, состоял из надгробного храма, украшенного статуями и могильного памятника. От храма не осталось следа. В западной части сооружения имеется обтесанная гранитная глыба кубической формы. Предполагают, что это был жертвенник, в верхней поверхности которого имеется круглое углубление с выпуклыми краями – место для огня. В сильно поврежденном виде – отбиты головы – сохранились статуи мужчин в разных позах и статуя льва.

Сохранилась в виде обломков каменная черепаха, служившая фундаментом, в который была вставлена стела. Черепаха на Востоке издавна была символом вечности. Весь материал одного качества – сероватый мрамор. Верхняя часть украшена изображениями драконов. “В четырех саженях от обелиска к ОНО были найдены в земле статуи двух животных, по-видимому, оленей; еще дальше идет ряд грубо вытесанных фигур, расположенных вереницею на расстоянии от 3-х до 5 сажен друг от друга. Эта вереница тянется при памятнике Бильге-кагана по крайней мере три версты, при памятнике Кюль-Тегин – четыре с половиной версты. На первой такой фигуре при памятнике Бильге-кагана есть надпись: “Это каменный балбал шада Толесов”. Из китайских источников мы знаем, что у турок было в те времена обыкновение расставлять при надгробном памятнике знатного лица вереницу каменных фигур или камней в память убитых покойным врагов. Исследование орхонских памятников показало, что камни эти назывались тогда “балбалами”; при памятнике Кюль-Тегина их особенно много, так как этот знаменитый витязь перебил на

своем веку не одну сотню врагов” (В.В. Радлов, П.М. Малиоранский. Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме. – СПб., 1897. – С. 4. См.: также П. Мелиоранский. Памятник в честь Кюль-Тегина // Записки Восточного отделения императорского русского археологического общества. – Т. XII. – 1899. – СПб., 1900. – С. 1-144).

Обелиск Бильге с трех сторон покрыт тюркскими письменами, а четвертая – китайскими. Высота колонны 3 м 45 см, ширина – 1 м 74 см, толщина – 72 см. Стела Кюль-Тегина по высоте – 3 м 15 см, по ширине – 1 м 24 см, по толщине – 41 см.

У Кляшторного тоже имеется описание территории комплекса в целом, отдельных фигур, аллеи, храма. В середине храма сохранились разбитые части двух фигур, как полагает Кляшторный, Кюль-Тегина и его жены. “Голова Кюль-Тегина в тиаре из пяти щитков с рельефным изображением распластавшего крылья орла – лучшее портретное изображение, когда-либо найденное в Центральной Азии” (С.Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. – М., 1964. – С. 58).

Поскольку памятник Кюль-Тегину (кюль означает твердый, стойкий) был сооружен по указанию Бильге-кагана, мы имеем возможность судить не только об официальной суходокументальной стороне отношения двух братьев, но и о глубоко личной привязанности их друг к другу, той скорби, которую переживал старший брат. “Я предался печали, говорится в первом лице от имени Могиляна – Бильге-кагана. Мои зоркие очи точно ослепли, мой вещий разум точно притупился! Я предался печали... Пока из глаз моих не проступили слезы, а мое тело и душа не застонали, опять и опять я предавался печали, сильно тосковал я” (Радлов В.В. и Мелиоранский П.М. Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме. – СПб., 1897, с. 35). На верхушках обоих памятников, отделанных в виде пятиугольных щитов, имеются на одной стороне знаки. Согласно одной версии, эти значки изображают ханскую тамгу, согласно другой – они составляют слово “каган”, написанное орхонской вязью.

Кюль-Тегин умер 27 февраля 731 года, похоронен 1 ноября 731 года. Бильге-каган “обратился к императору Сюань-цзуну с просьбой прислать китайских мастеров для строительства храма и изготовления изображения Кюль-Тегина” (С.Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники... – М., 1964. – С. 56-57). Сам же Бильге-каган умер “в год собаки, в десятый месяц, двадцать шестого дня, т.е. 25 ноября 734 года, похоронен “в год свиньи, пятый месяц, в двадцать седьмой день 22 июня 735 года. Возможно, что наблюдаемый здесь обычай захоронения через определенный интервал времени сказался на посмертной судьбе Казыбек-би: он умер в декабре, а был захоронен четыре месяца спустя. Хотя надписи на стелах были сделаны в разное время, между ними имеется довольно значительное совпадение, что оказалось чрезвычайно полезным при их дешифровке и интерпретации. Известно имя автора, текстов на стелах Бильге-кагану и Кюль-Тегину. Его звали Йолыг-тегин. Но сам по себе камень остался бы безмолвным, если бы мы не нашли ключа к его шифру, к алфавиту. Человеком его открывшим подобно дешифровке клинообразных надписей и египетских иероглифов Гротефендом и Шампалионом был датский ученый Вильгельм Томсен (1842 – 1927). Он вписал свое имя в ряд с именами Кюль-Тегина, Бильге-кагана и Тоньюкука, доказав справедливость кантовской (а может быть и не только кантовской) мысли, что историю настоящего (или мифически?) делают историки⁶⁰.

О гениальной личности Томсена следует сказать особо. Он оказал неоценимую услугу возрождению тюркского самосознания дешифровкой орхонских надписей, начиная с алфавита и установления даты сооружения памятников Кошо-Цайдама и заканчивая восстановлением аутентичного содержания текстов. Но его наследие более многообъемлюще.

Он внес вклад в самые различные области языкознания и истории, проявив себя тонким и глубоким мыслителем. Свидетельство тому же – публикация специального сборника в память

⁶⁰ Незасвидетельственная история остается “неведомой землей”. “Только ученые... могут засвидетельствовать древнюю историю” (Соч. – М., 1966. – Т. VI. – С. 21).

годовщины со дня смерти В. Томсена, изданная в 1928 году под редакцией В.В. Бартольда⁶¹.

В Оксфорде Томсен прочитал лекции, посвященные истокам русской истории. В.В. Бартольд считал, что из современных ему ученых Томсен может быть самый замечательный. Оценивая его “величайшие” вклады в общее языкознание, в историю наук о языке, в выяснение взаимоотношений между финскими и балтийскими языками, дешифровку им скандинавских рунических надписей, крупные ученые различных стран мира отдавали дань уважения ему еще при жизни. В предисловии к нему С. Ольденбург писал: “Ясность и отчетливость мысли, осторожность подхода при громадных фактических знаниях, необыкновенное, отмечаемое всеми изящество в разрешении поставленных себе задач, сделали из Томсена замечательного учителя науки, в полном смысле этого слова” (с. 3). Он – не просто “гениальный мыслитель”, но и “великий человек, которому ничто человеческое не чуждо”, он способен увлечься красотой выражений и образов, чертами личности Тоньюкука.

Чтобы представить себе интуицию и ход мысли Томсена в дешифровке надписей, получивших название Орхоно-тюркских, лучше всего привести его собственные высказывания (В. Томсен. Дешифровка орхонских и енисейских надписей. – Санкт-Петербург, 1894. – С. 331-337). О своем открытии В. Томсен доложил 15 декабря 1893 года на заседании Датского общества наук.

“Все до сих пор сделанные попытки дешифровать как енисейские, так и орхонские надписи не дали никаких положительных результатов. Они, впрочем, и не опирались на сколько-нибудь ясный и верный метод. Принимались отыскивать чисто внешние совпадения между странными письменами и некоторыми буквами других алфавитов.

На первых порах будет необходимо держаться исключительно орхонских надписей, оставляя в стороне енисейские, ибо эти последние представляют особые затруднения и возбуждают мно-

⁶¹ См.: Памяти Томсена. К годовщине со дня смерти. – Л., 1928. – с. 13. В.В. Бартольд. Томсен и история Средней Азии. См: также: А.Л. Руднев. Вильгельм Томсен. – СПб., 1914.

го сомнений, и я даже считаю себя теперь вправе утверждать, что без орхонских надписей енисейские никогда не удалось бы дешифровать.

Единственными точками опоры при дешифровке, которыми мы располагаем, следующие:

1. Сами надписи: условия, в которых мы находим отдельные знаки или слова, варианты орфографические в одних и тех же словах и тому подобные факты.

2. Показания китайских надписей. Что касается сих последних, то прежде всего ясно, как было уже указываемо и другими учеными, что мы тут не имеем пред собою обыкновенных двуязычных надписей. Во-первых, среднее число слов каждой строки показывает нам, что надпись загадочными письменами на 4 или на 5 раз длиннее китайской надписи, и во-вторых, самый слог и особенный характер последней делает априори вероятным, что и подтвердилось на самом деле, что обе надписи совершенно независимы друг от друга. (Одно только начало надписи на восточной стороне, 40-я строка изданий, которое я перевожу так: "Когда были сотворены голубое небо (көк таңри) на верху и темная земля (якыз јир) внизу, были сотворены посреди них сыны человека" и пр. представляет некоторое очень отдаленное сходство с китайской надписью памятника I: "О небо столь голубое! Нет ничего, что бы не было охраняемо тобой! Небо и люди связаны между собой и вселенная однородна" и пр.).

Пользуясь указанными средствами, я, как мне кажется, успел совершенно дешифровать загадочные письмена, так долго не поддававшиеся разбору. Я вкратце укажу путь, которым я шел и на результаты, которые я получил.

Число отдельных знаков 38, не больше, так как один из устанавливаемых 39 значков, именно \downarrow , по-моему мнению является лишь по недоразумению заменой других, то 7-го, то 13-го. Как уже давно замечено было, слова обыкновенно разделяются двоеточием, но не всегда. Короткие слова, как местоимения, числительные и т.п., в большинстве случаев сливаются то со следующими за ними, то с предшествующими словами...

Обилие отдельных знаков сразу делает вероятным предположение, что загадочное письмо это не есть обыкновенный алфавит с определенным знаком для каждого отдельного звука, а что оно должно быть или письмом слоговым, или по крайней мере таким, в котором знаки для одного и того же звука в известных пределах разнообразятся, смотря по различным условиям, в которых этот звук находится.

Первой моей задачей было выяснить, имеются ли особые знаки для гласных и какие эти звуки, и тут успехи в сущности, были достигнуты довольно легко. Для предварительного решения вопроса, я взял точкой исхода то соображение, что если дана комбинация значков хух, т.е. если один и тот же знак стоит перед другим и после него, наибольшая вероятность будет в пользу предположения, что у будет гласным, если х – согласный, и наоборот. Тщательно сравнивая подобные комбинации и знаки, в них входящие, можно в общем легко и верно найти гласные, особенно когда под рукой имеются столь пространные материалы, как наши тексты. Таким-то образом я уже давно нашел, что >, ǀ и ǂ должны изображать гласные звуки, и этот факт замечательно согласовался с другим наблюдением, которое, естественно, должно было привести к подобному же заключению. В самом деле, при сличении с точки зрения орфографии одних и тех же слов, в параллельных местах наших текстов, оказалось проходящим через все эти места общим правилом, что именно эти три знака то пишутся, то опускаются. Это явление в таком виде не относится ни к какому из остальных знаков. Единственно возможное объяснение этого явления – то, что именно эти три знака обозначают гласные звуки и что гласный звук по произволу может писаться или опускаться, когда его легко подразумевать.

Продолжая исследования отношений между каждым из этих трех гласных знаков и остальными знаками, которые следовательно должны считать изображающими согласные, я не замедлил найти, что эти отношения в известной мере подчиняются постоянным правилам, другими словами, что не всякий гласный может соединиться с данным согласным. На одной стороне стоял

>, в котором я не мог не видеть знака для у (и O), на другой – два других знака, отношения которых к согласной указывали на более тесное взаимное родство, между тем как со знаком у эти отношения далеко не столь тесные. Судя по способу употребления, ↑ мог быть признанным только за i, Њ я сначала принял было за e, но это предположение было неправильно и долгое время мешало успеху дешифровки. Теперь я знаю, что этот знак обозначает б, у, которые по первому моему предложению должны были выражаться тем же знаком, что у (я считаю долгом заметить, что в цитированном выше письме г. Радлова сообщил мне, что он также в указанных выше трех знаках узнал гласные и второму из них (↑) присвоил значение i). Относительно а я допускал возможность, что для этого гласного не существовало особого знака, как это, например, замечается в индийских алфавитах. Только гораздо позже я вполне убедился, что действительно как а, так и ä (e) не пишется ни в начале, ни в середине, но что, тем не менее, для а или, смотря по условиям, для ä (e) существует особый знак, который однако же употребляется исключительно в конце слова.

Изучение всей совокупности этих отношений дало мне возможность объяснить себе многочисленность согласных тем предположением, что один и тот же согласный звук выражается различными знаками, смотря по сопровождающему его гласному, а это, в свою очередь, заставило меня находить вероятным, что язык надписей подчиняется законам гармонии гласных. Сличение же орфографических вариантов одних и тех же слов, равно как и некоторые статистические наблюдения касательно употребления различных знаков, привели меня к мысли о близком родстве между собой довольно значительного числа знаков или к известным предположениям относительно их характера, как взрывных, носовых и т.д. Далее делалось для меня очевидным, что некоторые, немногочисленные знаки должны обозначать не простые согласные звуки, а комбинации согласных. Но я здесь не могу входить в подробности относительно всех этих вопросов.

Для достижения дальнейших успехов, разумеется, необходимо было найти значения некоторых слов и особенно нужно было отыскать некоторые из собственных имен, фигурирующих в китайских текстах. Долгое время я искал их без успеха, и теперь я этому нисколько не удивляюсь, так как я знаю, что большая часть этих имен совсем не встречается в наших надписях. Но с самого начала мое внимание все более и более сосредотачивалось на двух словах.

Одна из них встречается чрезвычайно часто, как в орхонских, как и в енисейских надписях. Оно встречается то с известными суффиксами, то без них и между прочим довольно часто занимает бросающееся в глаза положение в начале нового отдела, надписи, или в таких комбинациях, в которых я с некоторой вероятностью мог видеть формулы ханского титула. Это слово ᠨᠦᠵᠢᠬᠡ еще тем казалось замечательным, что без суффиксов, оканчивалось знаком, в котором я признал обозначение гласного *i*. Эти соображения заставили меня видеть в нем слово *tañiri*, общее монгольскому и всем тюркским языкам (в последних частью в видоизмененных, более новых формах) и означающее *небо*, *Бог*.

Второе слово, к которому я много раз возвращался и которое часто встречается на памятнике I, тогда, как оно на памятнике II по видимому не имеется слово ᠨᠴᠢᠨᠦᠨᠦ . После долгих колебаний я все более и более убеждался, что это единственное слово, в котором могло бы скрываться полное имя принца, в честь которого был воздвигнут памятник. В китайской надписи он, как мы видим (с. 389), называется Кюэ-ти(к)-кин-кинъ (*K' iueh-ti(k)-k' in*), и это имя до последнего времени считали отвечающим тюркской форме *Кок-тігін*, т.е. принц *Көк* (голубой), транскрипция “*Giogh*” употребленная г. Шлегелем, неудачна. Причина, которая долгое время мне не позволяла, узнать это имя в вышеупомянутом слове, заключалась, с одной стороны, в том неверном значении, которое я придал было сначала знаку ᠨ , а преимущественно в том, что я не мог доказать для знака ᠶ значения *k* в каких-либо других словах. Я должен был еще много работать над дешифровкой, прежде чем вполне выяснить себе настоящее положение дела:

Ү не есть к, а л (с нёбными гласными), и, следовательно, имя принца не Кёк – это слово как нарицательное встречается, имея в конце общий знак для к, т.е. 𐰆 – а. Кёл или Күл тігін...

Эти два слова, открыли мне значение крайне часто встречающегося 𐰆𐰇𐰈, ибо последний знак, как я нашел уже раньше, обозначает тот же звук, что и первый знак слова Күл. Слово произносится *турк* (=китайскому Ту-кюе, стр. 329). Таким образом, язык надписей определился как принадлежащий к тюркской группе, как и можно было ожидать на основании исторических данных и имен, встречающихся в китайских текстах наших памятников.

Чтение определенных таким образом знаков в других словах делало для меня ясными и понятными, как чисто тюркские, все более и более многочисленные слова, и одновременно эти же слова раскрывали мне по одиночке значение остававшихся еще темными знаков, пока наконец не выяснился мне весь алфавит. В настоящее время у нахожу еще темными многие детали самих надписей, но я тем не менее уже теперь полагаю, что я могу читать и понимать настолько значительные части этих надписей, что не могу больше сомневаться в правильности моего разбора алфавита”.

Другим человеком, чье имя должно быть названо в связи с расшифровкой и толкованием текстов стел в Кошо-Цайдаме, был В.В. Радлов (1837 – 1916), с которым Томсен был в контакте и который самостоятельно двигался в дешифровке отдельных знаков.

Общепринятой относительно происхождения древнетюркского алфавита является версия, также заложенная В. Томсеном. Согласно ей, этот алфавит в основном арамейского происхождения, хотя и не без влияния иранского. Но для изобретателя тюркской письменности источник был лишь исходной моделью, в которую он внес значительные инновации. Он ввел специальные буквы для гласных, буквы, служащие для обозначения только для задневокалических слов и только для передневокалических слов, лигатуры греческого происхождения и идеографические элементы. Замысел оказался настолько удачным, что Бартольд

отдает ему первенство перед всеми остальными алфавитами, которые использовались для тюркского языка. Алфавит орхонских надписей – “самый старый из турецких алфавитов, в то же время должен быть признан самым совершенным из алфавитов, когда-либо употреблявшихся турками” (В.В. Бартольд, – М., 1968. – Т. V. – С. 26). Оценку старого тюркского письма, а также теорий о происхождении его алфавита дает Талат Текин в своей книге “Грамматика орхонского тюркского языка”.

Об исторической значимости орхонских надписей можно судить по распространенности рунических памятников, типологически близких к орхонским, на огромной территории от Орхона до Дуная, от Якутии до Гоби, в северной Монголии, долинах Енисея, Лены, в Прибайкалье, Китае, Восточном Туркестане, Средней Азии, Восточной Европе.

Появление тюрков на мировой арене, о чем повествуют орхонские надписи, связано с падением империи жужаней, которой они были определенное время вассалами в качестве “плавильщиков железа” и “данников крови”. Подлинное самоназвание жужаней неизвестно. По китайской интерпретации они представляют либо “другой вид Hsiung-na” (т.е. гуннов), либо “западных варваров”. Как бы то ни было, жужане властвовали во Внутренней Азии не менее 150 лет. Основал жужанскую империю, охватывающую территорию от Карашахара на Западе и до Северной Кореи на Востоке, Ше-лун. Именно жужане вынудили династию Северный Вэй приступить к созданию Великой Китайской стены. Первое упоминание имени “тюрк”, как утверждает D. Sinor, относится к середине первого века нашей эры. В ареале лесов на северном побережье Азовского моря среди перечисленных Плинием в “Натуральной истории” людей указываются как тюрки. “Присутствие тюркоговорящего народа в Понтийских степях и лесах к Северу от них, не противоречит информации об их более позднем появлении в Монголии” (D. Sinor, *The Cambridge History of Early inner Asia*, 1996, p. 287).

Столь же вероятным представляется их смешение с племенами жителями Согдианы. Что касается культурных контактов

согдийцев с отдаленным Востоком и интенсивным проникновением их по всей тюркской ойкумене, то здесь сомнений быть не может. Есть свидетельства о наличии согдийских кварталов в китайских городах и о поселениях, основанных самими согдийцами. Упоминается г. Самарканд, расположенной в семи днях пути к северу от Бешбалыка (С. Кляшторный, с. 101).

Хотя китайские источники указывают на несколько тюркских народов, есть объединяющее их общее начало: миф о происхождении от волчицы. По одной из легенд предки тюрков были истреблены, чудом сохранился лишь изуродованный мальчик. Спасшая его волчица родила от него 10 сыновей. Их дальнейшую судьбу легенда связывает с турфанским оазисом и Алтаем. Сыновья волчицы избирают себе жен из гор Гоачана в Турфане. Вывод из этого района на Алтай легендой приписывает потомку рода Ашина. А само название “тюрк” связывается с местным названием алтайских гор. Происхождение от волчицы признает и другая легенда. Предание гласит, что предки тюрков жили у впадения небольшой реки в Бию. Глава племени Абанбу имел 17 братьев, один из которых – Ичжинишид был прозван “сыном волчицы”. В свою очередь, один из сыновей Ичжинишида стал “белым лебедем”. От самого его старшего сына Нодула-шала родился Ашина, возглавивший все племя под титулом Асен-шад. Ему наследовал Туу. Бумынь сын Туу.

С.Г. Кляшторный считает, что предками Ашина было гуннское племя хэлянь, породившееся с согдийцами. Причем тюрков обычно характеризуют как простодушных и недалёковидных, а согдийцев – как хитрых и коварных. Все эти сведения и легенды С.Г. Кляшторный расценивает как изображение драматического процесса распада одного предшествующего этноса и зарождение нового процесса, происходящего частично за счет включения нового этнического компонента. Тюрки к середине V века наладили производство металлических орудий. Предполагают наличие у них родовых пещер, используемых как рудники. Византийский посол Земарх был удивлен предложениями о продаже железа, как экспортного товара. Завоевание самостоятельности и создание

тюркского государства принято связывать с именем Бумыня, который около 550 года принял титул кагана, а его жена – титул Kho-ho-toun (=хатунь). Если начало падению господство жужаней положил Бумынь, то возвышение тюрков и создание могущественной империи связало с именем Мухана (553 – 572), который довершил разгром жужаней, разбил на севере киргизов, на западе эфталитов, на юго-востоке – китайцев. Это было не просто государство союзных племен, а империя, впервые политически и экономически стянувшая два конца Старого Света Дальний и Ближний Восток. Естественным геополитическим делением империи было подразделение ее на восточную и западную часть, причем последняя в значительной мере обладала автономией и самостоятельностью. Властителю западной части Иштеми приписывается инициатива создания особого алфавита для тюркского языка в видах административных и дипломатических. В орхонском повествовании дается толкование причин падения первого Тюркского каганата: каганы стали “неразумными”, поддались чужим ценностям, подданные проявили бесхарактерность и слабость, между племенами, “старшими” и “младшими”, возникли раздоры, подогреваемые извне. Возрождение, восстание против китайского гнета объясняется нетерпимым положением “мужей” и “женщин”, ставших рабами и рабынями, в среде которых вновь пробудился дух свободы.

Восстание к победе привел Кутлуг, представитель рода Kie-Li (Хели), близкого к династии Ашина. “Кутлуг”, как объясняли китайцы, означает “Величественный”, “высочество” и одновременно “счастливый”, “удачный”. В 682 году он был объявлен ханом. К этой ветви относится (Могилян (685 – 734), получивший в связи с царским титулом (716) имя Бильге-каган. Он пришел к власти после Капаган-хана, младшего брата Кутлуга. В честь Кутлуга, чье царское имя – Ильтершин-каган, был сооружен Онгинский памятник.

Принципиальным для древних тюрков, как носителей начал степной цивилизации, было понятие тору. Возможно, что сам этноним “тюрк” совпадает или пересекается с этим понятием.

Мелиоранский выделяет следующие значения понятия тору:

- заветы старины, установление
- ханское решение при тяжбах
- ханская власть, действующее право
- творить суд
- поднимать, возвышать народ
- приводить в порядок, улаживать. (См.: Мелиоранский. Памятник в честь Кюль-Тегина // “Записки Восточного отделения императорского русского археологического общества. – Т. XII. – СПб., 1899, 1900. – С. 82-83, а также его: Об орхонских и енисейских надгробных памятниках с надписями// Журнал “Министерство народного просвещения. – 1898. – Т. 317. – С. 271).

Соратником Кутлуга, оказавшим ему содействие в успешном восстании, был тюркский аристократ из рода Ашидэ (также близкого к роду Ашина) Юань-Чжень, находившийся в стане китайцев. В решающий момент он перешел на сторону Кутлуга. Он более известен под принятым им именем Тоньюкука (“Тон” по тюркски “первенец”, “юкук” – ценить, возвышать, вельможа. “Тонь-юкук” и “Юаньчжень” – семантические эквиваленты) в качестве полководца и политического деятеля при Кутлуге (679 – 689); его преемнике Капаган-кагане (691 – 716). После переворота 716 года, когда Могилян и Кюль-Тегин казнили обоих сыновей Капагана (Бёгю и Инэля) и их советников, Тоньюкук находится некоторое время в тени. Учитывая политический опыт и полководческие способности Тоньюкука, он был призван Могиляном (Бильге-каганом), женатым на дочери Тоньюкука, Лофе, ко двору. Так что период 716 по 731 годы можно рассматривать как годы правления триумvirата: Бильге-кагана, Кюль-Тегина и Тоньюкука, которые дополняли друг друга в политическом, дипломатическом, полководческом и рыцарском качествах.

Историки и литературоведы обращали внимание на жанровые и стилистические особенности орхонских текстов, на их значимость как исторического документа, как нового источника, для истории кочевых народов. Художественная и историческая сто-

Историки и литературоведы обращали внимание на жанровые и стилистические особенности орхонских текстов, на их значимость как исторического документа, как нового источника, для истории кочевых народов. Художественная и историческая сто-

рона надписей заслуживает безо всякого сомнения самой высокой оценки. Нас же стелы Кошо-Цайдама привлекают как памятник, запечатлевший тюркскую идентичность, мировоззрение и жизненные ценности, к которым можно возвести и следует возвести региональную идентичность народов Центральной Азии, в том числе и казахского. Честь, мужество, достоинство, общетюркская солидарность, наличие вдохновляющих идей и убеждение в их божественном происхождении – таков мировоззренческий стержень, к которому в равной мере должны быть причастны как подданные, так и правители. Осознавать свою самобытность, дорожить ею и в ни в коем случае не предаваться легкомысленно чужим ценностям и чужому образу жизни – это основа основ свободы и независимости народа. Особенно пагубно неосмотрительное отношение к “чужим дарам”, прельщение “сладкими речами” и “роскошными драгоценностями”, за которыми последует непременно “незаметное” наставление “в правилах поведения”, а затем и полное духовное закабаление и реальное рабство.

Геродот отмечал у более древних предков нынешних насельников Центральной Азии – у скифов – ревностное и щепетильное отношение и восприятию чуждых обычаев. Именно по этой причине был убит Анахарсис и было решено предать забвению его имя. Тоньюкук, сам получивший китайское образование, вовсе не был против освоения культуры соседей, важно не потерять “своего имени”, “своего лица”, сохранить чувство высокой гордости за свой народ, за его традиции и ценности. Даже то, какой алфавит используется для письма, вовсе не является чистой формальностью. И с этой точки зрения используемый в орхонских надписях алфавит заслужил чрезвычайно высокую оценку специалистов, считающих, что этот алфавит – непревзойденный в смысле приспособленности к звукам тюркского языка. Большой исторический опыт свидетельствует о гибельности механического и бездумного переноса, чужого опыта и обычаев для любого народа и любой страны без учета их собственных особенностей, в том числе и менталитета. Это подобно

трансплатации чуждого органа, который или (в случае близости) приживается или отторгается, разрушая иммунную систему организма. Современная практика также показывает, что перенос чужого опыта, самого прекрасного и инновационного, не обходится без его адаптации и преломления к локальным условиям, либо оказывается непродуктивным. Без духовной укорененности человек провисает в пустоте. Через века к нам дошел страстный призыв: народ должен быть самим собой, сохранить себя от растворения и рассеяния.

Этот призыв тем более актуален, что эрозия идентичности зашла далеко⁶², требуются настойчивые и целеустремленные усилия по ее восстановлению и возрождению. Восходящая к стелам Кошо-Цайдама традиция, угасая по временам, возрождалась к новой жизни в различных жанрах – посланиях, пословицах, увещеваниях, дастанах и становилась источником этнической идентичности и гордости Туркестана, объединившего территорию от Восточного Алтая до западно-уральских гор. Основатели и продолжатели традиции думали о будущем, обращались к потомкам.

Но иногда наш пыл остужают и говорят: Есть ли вообще необходимость в какой-то исторической опоре? Или это поиски нечто в виде добавочной роскоши. Не только политики, но и теоретизирующие о политике склонны полагать, что подобного рода поиски – излишнее занятие, и потому, что в этом трудно разобраться, и потому в особенности, что исторические “тонкости” и “сентименты” якобы недоступны массе, в основном непросвещенной, и далеки от жизненных потребностей времени. К тому же политики довольно прочно стоят на наполеоновских позициях, согласно которым, если появится надобность в какой-либо “идеологии”, то “спрос” незамедлительно будет покрыт. Советский опыт показал, что всегда находятся “служивые люди”, “вольные стрелки” и просто “шустрые” писатели, умеющие держать “нос по ветру” и готовые подыскать основания

⁶² У казахов про человека, потерявшего свою идентичность, говорят: манкурт. Такой человек “корада да жок, далада да жок”, т.е. он “не там и не здесь”, “нигде”, по русски “ни то, ни сё”. Недаром родились определения: “шала казак” (“малость казак”), “нагыз казак” (“настоящий казак”).

для любого проекта, решения, прогноза, декларации. Неоспоримое свидетельство тому – бесконечные “запросные” статьи в печати о “необходимости государственной идеологии”, в которых главный вопрос: кому же позволяют или “поручат” составлять ее. По большому историческому счету, это явление попадает под рубрику “риторики”, т.е. более или менее ловкому протаскиванию определенных интересов или определенной демагогии путем подлаживания к популярным общественным клише.

В особенности против поисков исторической традиции для современной самоидентификации неотразимым представляется довод от “реализма”, т.е. – где надо на кого-то ориентироваться, и есть достойные основания считать, что эти ориентиры и образцы заданы, апробированы, не допускают сомнения и требуют лишь беспрекословного следования, им. Имеется совершенно четкая и лишенная даже самокритичности точки зрения, что абсолютные вершины достигнуты в лице Запада, в виде рыночной экономики и демократии, держите верно направлении, и вы получите и высокую технологию, и высокий жизненный стандарт, а вместе с ними – полное счастье. Начинать надо с “чистого листа”.

Тут только забывается одна деталь и причем принципиальная, как мы уже отмечали, что за Западом стоит своя история, свой опыт сложения жизненного строя и что в этом опыте помимо благотворных традиций есть свои ценности, стремления, институты, политика. Запад не может не иметь на этой основе своего “интереса». Даже популярная и абстрактная идея евразийства во время реформы рубля обернулась для Казахстана наводнением денежной бумажной массой, опустошившей товарный рынок (“рублевая интервенция”).

В конце концов “знать себя “есть хотя бы как минимум познавательная потребность. Но она может стать чем-то большим самоутверждением, заботой народа о себе как целом и самобытном, не сводимом к сугубо частным интересам даже самой прекрасной правящей элиты... Где наш приют? Как мы произросли в определенной местности? С чем мы связаны? На что мы можем опереться? В чем наши надежды? Из совокупности ответов

на эти вопросы быть может мы найдем путь к самоопределению геополитическому, культурному, человеческому, или погрязнем в беспросветности, навязанной стихийностью, чьим-то интересом, диктатом извне.

Применительно к орхонскому источнику идентификации, затрагивающему целый крупный регион, возникают сомнения самого разного рода. Самый популярный состоит в тезисе, что тюркские народы, в том числе Туркестана, являются потомками древних тюрков только по имени или по принадлежности к одной языковой семье. Такова точка зрения Л.И. Гумилева, М. Олкотт, а также и С.Г. Кляшторного (См.: С.Г. Кляшторный, в книге “История Востока”. Т. 2. – М., 1985. – С. 61). Трудно представить себе такой полный генетический разрыв, разве только предположить, что нынешние насельники “свесили ноги с небес”, как говорится в казахской пословице⁶³. Гораздо более сильным является аргумент об утере сознания идентичности и отсутствии непрерывной исторической традиции. Но ведь существует явление, называемое М. Бахтиным “большим временем”. Были ли знаемы определенные явления культуры, произведения или они фактически открылись нам недавно (как в случае с орхонскими памятниками.), во всяком случае, в них могут быть обнаружены смысловые глубины, которые могут зажечь новой жизнью, подчас более интенсивной, чем в своей современности. Жизнь в этом “большем времени” в соотнесении со смыслами и значениями прошедших эпох,

⁶³ По мнению М. Коптилеуова., Л.К. Гумилев не отмечает присутствия этноса “казак” даже в книге, посвященной именно “Великой степи”. И делает это он не только потому, что у него на первом месте “Великая Русь”, а и потому еще, что он начисто отрицает какую-либо связь родов, вышедших в состав казахского рода с нынешними их потомками, например, кыпчаками и найманами. Производной является позиция Олкотт. Это естественно, поскольку она опирается на русские источники и поэтому не способна даже правильно передать казахские наименования. Обратной стороной подобного нигилизма, с точки зрения М. Коптилеуова, является парадоксальный в условиях суверенности факт падения уровня национального самосознания. Он ссылается на отсутствие постановок каких-то ни было проблем относительно национального бытия, которые бы вызывали широкий общественный резонанс, падение тиража казахских изданий, низкий рейтинг казахов в сфере тележурналистики, полнейшая информационная зависимость от Москвы без намека на свой собственный, подход и взгляд (М. Коптилеуов. “Элем казакты казак деп мойындай ма?” // Столичное обозрение. – 5-желтоқсан 1997 ж. – 13-6.). Еще более резкой является оценка «Карабекова: “Тюрки предали своего бога, Тенгри, и удача отвернулась от них” (Е. Карабеков. Седой Каспий станет черным. – Газета “XXI век”, 25 декабря 1997 г., с. 5).

укоренение самого смыслового контекста современной жизни есть верное средство не потерять себя и не затеряться в мире. Сказанное касается как человеческого рода, отдельных его фракций, так и человеческой индивидуальности. Эту общую истину мы попытались преломить к частному случаю, связанному с древнетюркским наследием. Может быть, уплотнение и насыщение “духовной среды” не повредит современному человеку, сделает его жизнь более содержательной и осмысленной.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Алфавит. Малая и Большая надпись Кюль-Тегина, надпись Тоньюкука (найдена в 1897 году на берегу р. Селенга)

ДРЕВНЕТЮРКСКИЙ РУНИЧЕСКИЙ АЛФАВИТ

Начертание	Значение		Начертание	Значение	
	русск.	лат.		русск.	лат.
└┐Xx	а, ä	a, ä	Э	я	ñ
└	б ¹	b ¹	☺☻☼☽☾	ит	nt
⊗⊗⊗	б ² , ä	b ² , ä	⋈	кч	пé
⋈'')CλC	б	γ	> >	о, у	о, u
εC	г	g	МНН	ö, ү	ö, ü
⋈⋈⋈	д ¹	d ¹	1	п	р
x	д ²	d ²	ММ	р ¹	г ¹
ЧПЧФδ	з	z	↑	р ²	г ²
ГГ	ы, i	y, i	У	с ¹	з ¹
D	ј ¹	j ¹ , ĭ	І	с ²	з ²
q	ј ²	j ² , ĭ	⋈⋈	т ¹	т ¹
ΛHΔΔ↓↑	k	q	К	т ²	т ²
qRγYBβ	к	k	ΛY	ч	ç
└	л ¹	l ¹	УYУЧКΛ	ш	š
Y	л ²	l ²	⋈		
M	лт	lt			
⋈⋈	м	m			
)	н ¹	n ¹			
ММΛ	н ²	n ²			
└┐	ң	ñ			

² С.Е. Малов

Николай Михайлович Ядринцев

B. P. Ryabov

Малая надпись

1. “Небоподобный, неборожденный (собст. ”на небе” или ”из неба возникший”) тюркский каган” я нынче сел (на царство). Речь мою полностью выслушайте (вы) идущие за мною мои младшие родичи и молодежь (вы), союзные мои племена и народы, (вы, стоящие) справа начальники шад и апа (вы, стоящие) слева начальники, тарханы и приказные, (вы) тридцать...

2. (вы) начальники и народ “девяти огузов” эту речь мою хорошенько слушайте и крепко (ей) внимайте! Впереди, к солнечному восходу, справа, (в стране) полуденной, назади, к солнечному закату, слева, (в стране) полночной, – (повсюду) там (т.е. в этих пределах) живущие (букв. находящиеся внутри) народы – все мне подвластны, столь много народов я

3. всех устроил. Если в Отюкэнской черни сидит (на престоле) тот тюркский каган, у которого нет теперешней порчи, то (естественно, что) в племенном союзе (тюрков) нет (т.е. не ощущается) (ни в чем) стеснения. Вперед (т.е. на восток) я прошел с войском вплоть до Шантунгской равнины, немного не дошел до моря; направо (т.е. на юг) я прошел с войском вплоть до “девяти эрсенов” немного не дошел до Тибета; назад (т.е. на запад), переправясь через реку Йенчу (Жемчужную), я прошел с войском вплоть до

4. Темир-капыга (Железных ворот), налево (т.е. на север) я прошел с войском вплоть до страны Йир-Байырку, – вплоть до столь (многих) стран я водил (свои войска). (Во время этих походов) в Отюкэнской черни не было хорошего (т.е. настоящего) владыки, но Отюкэнская чернь была (именно) странною, в которой (можно было) созидать племенной союз. В этой (то) стране засеял (т.е. основавшись), я связал свою жизнь (и жизнь народа) с народом табгач.

5. У народа табгач, дающего (нам теперь) без ограничения столько золота, серебра, спирта (или: зерна) и шелка, (всегда) была речь сладкая, а драгоценности “мягкие” (т.е. роскошные, изнеживающие); прельщая сладкой речью и роскошными драгоцен-

ностями, они столь (т.е. весьма) сильно привлекали к себе далеко (жившие) народы. (Те же) поселясь вплотную, затем усваивали себе там дурное мудрование.

6. Хороших и мудрых людей, благородных героев народ табгач и их сторонники не (могли) сдвинуть (с истинного пути). Но если (отдельные лица) из тюрков (и соблазнялись), то целые роды (даже) до свойственников (до брачного родства) не отклонялись. Дав себя прельстить их сладкой речью и роскошными драгоценностями, ты, о тюркский народ, погиб в большом количестве. Тюркский народ., когда часть твоя говорила: я желаю селиться не только справа (т. е. на юге) в Чугайской черни

7. но и в Тюнской (?) равнине, то тогда там злобные люди так научали часть тюркского народа, говоря: “Кто живет далеко, (тому табгач) дают плохие дары, кто живет близко, (тому) дают хорошие дары” этими словами он так (сильно) научал тебя. И (вот) вы люди, не обладавшие (истинной) мудростью, послушавшись речи и подойдя вплотную, погибли (там) в большом количестве.

8. (Итак), о тюркский народ, когда ты идешь в ту страну, ты становишься на краю гибели; когда же ты, находясь в Отюкэнской стране, (лишь) посылаешь караваны (за подарками, т. е. за данью), у тебя совсем нет горя, когда ты остаешься в Отюкэнской черни, ты можешь жить, созидавая свой вечный племенной союз, и ты, тюркский народ сыт, когда же ты тощ и голоден (но тем не менее) ты не понимаешь (состояния) сытости (т. е. истинных причин сытости) и раз насытившись, ты не понимаешь (состояния) голода. Вследствие того, что ты таков (т. е. нерасчетлив, недальновиден),

9. ты, не принимая (т.е. не слушаясь) поднявшего (тебя) ни твоего хана, ни слова его, (стал) бродить по всем странам и там совершенно изнемог и изнурился (т.е. большая часть твоя погибла); вы же, оставшиеся тогда (живыми), по всем странам скитались в совершенно жалком положении (*букв. то живя, то умирая*). По милости неба и потому что у меня самого было счастье, я сел (на царство) каганом. Став каганом,

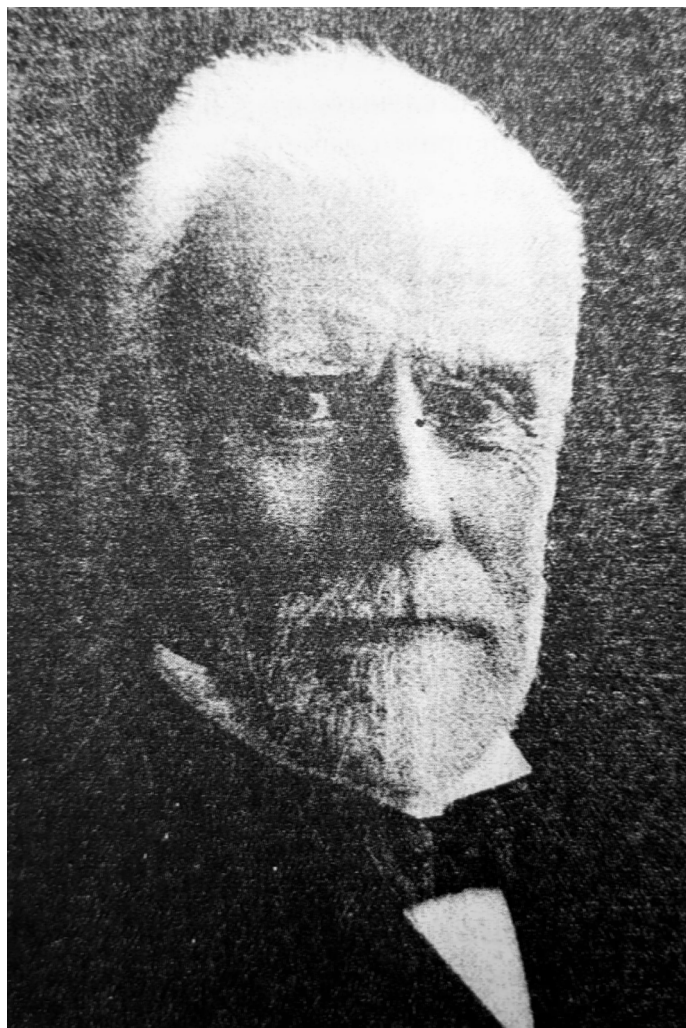
10. я вполне поднял (собрал?) погибший, неимуший народ, неимуший народ сделал богатым, немногочисленный народ сде-

лал многочисленным. Разве есть какая-либо неправда (фальшь) в этой моей речи? О тюркские начальники и народ, слушайте эго) Я вырезал здесь (т.е. на этом камне), как вы (о начальники и народ), собрав тюркский народ, созидали (свой) племенной союз, как вы, погрешая, делились, я все

11. здесь вырезал. Все, что я (имел) сказать, я вырезал на вечном камне (*т.е.* памятнике). Смотри на него, знайте (*т.е.* учитесь) вы, тюркские теперешние начальники и народ, Покорные престолу начальники (*букв.* смотрящие на престол), вы, ведь, склонны впасть в ошибку!) (*т.е.* изменять, не слушаться и т.п.). Я вечный камень... от императора народа табгач привел мастеров и поручил (им) выполнить резьбу. Они не изломали (*т.е.* не исказили) моей речи, (ибо)

12. Табгач прислал мне “внутренних” мастеров своего императора. Им я поручил устроить особое (специальное) здание, внутри и снаружи я велел покрыть (стены) особой (специальной) резьбою и воздвигнуть камень; сердечную речь мою. .. вы до сыновей “десяти стрел” и до припущенников (татов) включительно (все вы) знайте, смотри на него (*т.е.* на памятник). Памятник

13. я поставил... если до настоящего времени он есть в месте дорожной остановки, то на (этом) месте дорожной остановки (именно) я и воздвиг (этот памятник), (знайте) сделал (на нем) надпись! Смотри на него так знайте тот камень я... Эту надпись писавший (есть) внук его Йолыг-Т(егин)...

J. W. Thomson.

Большая надпись

1. Когда было сотворено (*или* возникло)верху голубое небо (и) внизу темная (*букв.*: бурая) земля, между (ними) обоими были сотворены (*или*: возникли) сыны человеческие (т.е. люди). Над сынами человеческими воссели мои предки Бумын-каган и Истеми-каган. Сев (на царство), они поддерживали и устраивали племенной союз и установления тюркского народа.

2. Четыре угла (т.е. народы, жившие вокруг по всем четырем странам света) все были (им) врагами; выступая с войском, они покорили все народы, жившие по четырем углам, и принудили их всех к миру. Имеющих головы они заставили склонить (головы), имеющих колени они заставили преклонить колени. Вперед (т.е. на восток) вплоть до Кадырканской черни, назад (т.е. на запад) вплоть до Темиркапыга (до “Железных ворот”) они расселили (свой народ). Между (этими) двумя (границами) они так

3. обитали (восседали), устраивая “голубых” тюрков, которые были (тогда) без господина и без родовых представителей. Они были мудрые каганы, они были мужественные каганы, и их “приказные” были мудры, были мужественны, и их правители и народ были прямы (т.е. верны кагану). Поэтому-то они столь (долго) держали (в своей власти) племенной союз и, держа его (в своей власти), творили суд. (Затем)

4. они скончались. (В качестве) плачущих и стонущих (т.е. для выражения соболезнования) (пришли) спереди, из (страны) солнечного восхода, народ степи Бёклийской, (а также) табгач, тибетцы, авары и Рим, киргизы, уч-куруканы, отуз-татары, кытай и татабийцы, столько народов придя, стонали и плакали: столь знаменитые каганы были они. После них стали каганами

5. младшие их братья, а потом и их сыновья стали каганами. После того, так как младшие братья не были подобны в поступках старшим, а сыновья не были подобны отцам, то сели (на царство), надо думать, неразумные каганы, надо думать, сели (на царство) трусливые каганы, и их “приказные” были также неразумны, были трусливы.

6. Вследствие “непрямоты” (т.е. неверности кагану) правителей и народа, вследствие подстрекателей и обмана обманывающих со стороны народа табгач и вследствие его прельщающих (?), (а также) вследствие того, что они (табгач) ссорили младших братьев со старшими и вооружали друг против друга народ и правителей, – тюркский народ привел в расстройство свой (до того времени) существовавший племенной союз

7. и навлек гибель на царствовавшего над ним (до того времени) кагана; народу табгач стали они (тюрки) рабами своим крепким мужским потомством и рабынями своим чистым женским потомством. Тюркские правители сложили (с себя) свои тюркские имена (т.е. звания и титулы) и, приняв титулы правителей народа, табгач подчинились кагану народа табгач.

8. Пятьдесят лет отдавали они (ему свои) труды и силы. Вперед, (в страну) солнечного восхода, они ходили войною вплоть до Бёкли-кагана, назад (т.е. на запад) они ходили войною вплоть до Темир-капыга и отдали кагану народа табгач свой племенной союз и власть (над собою). (Но затем) вся масса тюркского

9. народа сказала так: “Я была народом, составлявшим племенной союз, где теперь мой племенной союз? Для кого я добываю (т.е. завоевываю) (другие) племенные союзы?” – (так) они говорили. “Я была народом, имевшим (своего собственного) кагана, где мой каган?⁹ Какому кагану отдаю я (мои) труды и силы?” – (так) они говорили, и, так говоря, стали врагом кагана народа табгач.

10. Став врагом и не будучи в состоянии (что-либо) сделать для себя и создать, он (тюркский народ) опять подчинился государству Табгач. При этих обстоятельствах, не думая отдавать государству Табгач свои труды и силы, тюркский народ говорил: лучше погубим (сами себя) и искореним. И они начали итти к гибели. (Но) вверху Небо тюрков и священная Земля и

11. Вода тюрков (т.е. Родина) так сказали: “да не погибнет, говоря, народ тюркский, народом пусть будет”, – так говорили. Небо, руководя со своих (небесных) высот отцом моим Ильтеришем-каганом и матерью моей, Ильбильгя-катун, возвысило их (над народом). Мой отец-каган выступил (сначала) с семнадцатью мужами.

12. Услышав весть о том, что он бродит вне (т.е. за пределами тогдашнего местожительства тюрков), жители городов поднялись в горы, а жители гор спустились, и, собравшись, составили (отряд в) семьдесят мужей. Так как Небо даровало (им) силу, то войско моего отца-кагана было подобно волку, а враги его были подобны овцам. Вперед (т.е. на восток), назад (т.е. на запад) двигаясь с войском, он собирал и поднимал (т.е. снабжал средствами восставших), так что всех их

13. стало (уже) семьсот мужей. Когда (их) стало семьсот мужей, то он привел в порядок и обучил народ, утративший свой “эль” (т.е. свое независимое государственное устройство) и своего кагана, народ сделавшийся рабынями и сделавшийся рабами (у табгачей), упразднивший (свои) тюркские установления, (этот-то народ) он привел в порядок и наставил по установлениям моих предков, тогда же он дал устройство народам телис и тардуш

14. и назначил тогда ябгу и шада. Справа (т.е. на юге) народ табгач был (ему) врагом, слева (т.е. на севере) народ токуз-огузов (под начальством) Баз-кагана был (ему) врагом, киргизы, курыканы, “тридцать татар” кытай и татабы все были (ему) врагами; мой отец-каган столько...

15. сорок семь раз он ходил с войском (в поход) и дал двадцать сражений. По милости Неба он отнял племенные союзы у имевших племенные союзы (т.е. у враждебных ему ханов) и отнял каганов у имевших (своих) каганов (т.е. у враждебных ему народов, элей), врагов он принудил к миру, имевших колени он заставил преклонить колени, а имевших головы заставил склонить (головы). Мой отец-каган...

16. власть (свою) приобретя, улетел (т.е. умер). В честь моего отца-кагана во главе (вереницы могильных камней) поставили “балбалом” (изображение) Баз-кагана, а на то (т.е. Ильтеришево) царство (букв. над той властью) сел мой дядя-каган. Мой дядя-каган, сев (на царство), опять устроил и поднял тюркский народ (т.е. поднял его благосостояние, значение), неимущих он сделал богатыми, немногочисленных он сделал многочисленными.

17. Когда сидел на престоле мой дядя-каган, я сам был шадом над народом тардуш, С моим дядею-каганом мы ходили войною

вперед (т.е. на восток) вплоть до Шантунгской равнины, (орошаемой) Яшиль-угюзом, назад (т.е. на запад) мы ходили войною вплоть до Темир-капыга, перейдя через Кёгменскую (чернь), мы ходили войною вплоть до страны киргизов).

18. Всего мы ходили в поход двадцать пять раз, дали тринадцать сражений, отняли племенные союзы у имевших племенные союзы и отняли каганов у имевших (во главе у себя своих) каганов, имевших колени заставили преклонить колени, имевших головы заставили склонить (головы). Тюргешский каган был наш же тюрк, (из) нашего же народа. Так как он не понимал (своего блага)

19. и провинился перед нами, то (сам) каган умер (т.е. был убит), его “приказные” и правители были также убиты, народ “десяти стрел” подвергся притеснению. Говоря: пусть не будет без хозяина страна (букв. земля и вода), принадлежавшая нашим предкам, мы, устроив немногочисленный (или азский) народ,

20. был Барс-бег; мы в то время (или: при тех обстоятельствах) даровали (ему) титул кагана и дали (ему в супружество) мою младшую сестру – княжну. (Но) сам он провинился, (а потому) каган умер (т.е. он был убит), а народ его стал рабынями и рабами. Говоря: “пусть не останется без хозяина страна Кегемская, мы завели порядок в немногочисленном (т.е. пришедшем тогда в упадок) народе киргизов. Мы пришли, сразились и снова

21. дали (страну для управления киргизу?) Вперед (т.е. на восток) за кадырганской чернью мы поселили таким образом народ и завели в нем порядок, назад (т.е. на запад) вплоть до Кенгу Тармана мы поселили таким образом тюркский народ и завели в нем порядок. В то время (наши) рабы стали рабовладельцами, а (наши) рабыни рабовладелицами, младшие братья не знали своих старших братьев, а сыновья не знали своих отцов.⁶⁴

22. Таков был приобретенный нами племенной союз и такова проявлявшаяся нами власть! (о вы) тюркские (и ?) огузские беги и народ, слушайте! Когда сверху не давило (тебя), и Земля внизу не разверзалась (под тобой) (т.е. между тем как ниоткуда не уг-

⁶⁴ По благосостоянию и обширности и дальности кочевий.

рожала опасность), о тюркский народ, кто мог погубить твое государство (твой племенной союз и законную власть над тобою)? Тюркский народ,

23. покаяйся! Ты сам провинился и сделал низость (по отношению) к твоему кагану, возвысившему тебя ради твоей же преданности, и (по отношению) к твоему племенному союзу, хорошему по своим качествам и делам. Откуда пришли вооруженные (люди) и рассеяли Тебя? Откуда пришли копыеносцы и увлекли тебя? Ты (сам), о народ священный Отюкэнской черни, ушел. То ходил ты вперед (т.е. на восток), то ты

24. ходил назад (т.е. на запад) и в странах, куда ты ходил, вот что было для тебя хорошего: твоя кровь бежала (там), как вода, твои кости лежали (т.е. нагромождались там), как горы, твое крепкое мужское потомство стало рабами, твое чистое женское потомство стало рабынями. Вследствие (твоего) непонимания (своего блага) и вследствие твоей низости мой дядя-каган улетел (т.е. умер)

25. (В честь моего дяди-кагана) я поставил во главе (вереницы могильных камней) “балбалом” киргизского кагана. (Тогда) Небо, которое, чтобы не пропало имя и слава тюркского народа, возвысило моего отца-кагана и мою мать-катун. Небо, дарующее (ханам) государства, посадило меня самого надо думать, каганом, чтобы не пропало имя и слава тюркского народа.

26. Я отнюдь не сел (на царство) над народом богатым (скотом?), я сел (на царство) над народом, у которого внутри не было пищи, я снаружи одежды, (над народом) жалким и низким. Мы переговорили (о делах) с моим младшим братом Кюль-Тегиним, и, чтобы не пропало имя и слава народа, добытого “нашим отцом и дядею,

27. я ради тюркского народа не спал ночей и не сидел (без дела) днем. С моим братом Кюль-Тегиним и с двумя шадями я приобрел (т.е. предпринимал завоевания) до полного изнеможения (*букв.* слабея – погибая). Столь много приобретаю (т.е. завоевав), я не делал огнем и водой присоединившиеся (к нам) народы (т.е. старался ладить с ними мирно), я... по всем странам

28. бродивший народ, ослабевая и погибая, пеш и наг, пришел (к нам) обратно. Чтобы поднять (свой) народ, (я предпринял) с большими войсками двенадцать (походов): налево (т.е. на север) против народа огузов, вперед (т.е. на восток) против народа кытай и татабы, направо (т.е. на юг) против табгачей... сразился. После

29. того, – да будет (ко мне) Небо благосклонно, – так как на моей стороне было счастье и удача, то я поднял (т.е. призвал) к жизни готовый погибнуть народ, снабдил платьем нагой народ, сделал богатым неимущий народ, сделал многочисленным малочисленный народ. Там, где верные племенные союзы и верные каганы, я творил добро (т.е. действовал справедливо и милостиво). Живущие по четырем углам (т.е. странам света)

30. народы я все принудил к миру и сделал их не враждебными (себе), все они мне подчинились. Мой младший брат, Кюль-Тегин, много потрудясь и приобретя (для нас) столь большую власть, скончался. По смерти моего отца-кагана мой младший брат Кюль-Тегин остался семи (?) лет (от роду); в десять лет

31. для (т.е. на радость) ее величества моей матери-катун, подобной Умай, мой младший брат получил геройское имя Кюль-Тегин, (стал зваться мужем, т.е. богатырем). Шестнадцати лет (от роду) он (уже) вот что сделал для расширения государства и власти моего дяди-кагана: мы пошли войною на шесть чубов и согдийцев и разбили их. (Затем) пришло пятитуменное (т.е. пятидесятитысячное) войско табгачского Онг-Тутука; мы сразились,

32. Кюль-Тегин в пешем строю бросился в атаку, схватил Онг-Тутука с вожжами вооруженной рукою и с оружием представил (его) кагану. То войско мы там уничтожили. Когда ему был двадцать один год, мы сразились с Чача-Сенгуном. В самом начале (сражения) он (Кюль-Тегин) бросился в атаку, сев на белого коня, (принадлежащего) Тадыкын-Чуре; этот конь там

33. пал. Во второй раз (т.е. при второй схватке) он сел верхом на белого коня, (принадлежащего) Ышбара-Ямтару; этот конь там пал; в третий раз он сел на оседланного гнедого коня Йегин-Си-

лиг-бега и произвел атаку; этот конь там пал. В его вооружение и в его плащ более чем ста стрелами попали; но в начальника его авангарда даже и одна (стрела) не попала.

34. Его атаки, о тюркские начальники, вы вполне знаете! То войско мы там уничтожили. После этого великий Иркин племени Йэр Байырку стал (нам) врагом; мы их (его?), рассеяв, разбили при озере Тюрги-Яргун. Великий Иркин бежал с немногими только мужами. Когда Кюль-Тегину было (двадцать шесть?)

35. лет, мы предприняли поход на киргизов. Проложив дорогу через снег глубиною с копьё и поднявшись на Кёгмэнскую чернь, мы разбили киргизский народ, когда он спал; с их каганом мы сразились в черни Сунга. Кюль-Тегин сел на белого жеребца из Байырку.

36. бросился в атаку, одного мужа (т.е. воина) он поразил стрелою, двух мужей заколол (копьем) одного после другого. При этой атаке он погубил белого жеребца из Байырку, сломал ему бедро. Киргизского кагана мы убили и племенной союз его взяли. В том (же) году мы пошли против тюргешей, поднявшись в Алтунскую чернь и

37. переправясь через реку Иртыш. Тюргешский народ мы победили во время сна (и обратили в бегство)... Войско тюргешского кагана пришло при Болчу подобно огню и вину. Мы сразились; Кюль-Тегин, сев на серого коня Баллу, произвел атаку. Серый конь Башгу...

38. .. двух из них он сам попустил взять (т.е. потерял?). Затем снова войдя (т.е. ворвавшись в ряды врагов), он схватил собственноручно каганского приказного тюргешей, Тутука азов (!). Их кагана мы там убили, его племенной союз покорили. (Но) масса тюргешского народа вся откочевала в глубь (страны, т.е. подчинилась). Тот народ при Табаре (?) мы поселили. Вернувшись

39. с целью устроить согдийский народ, мы, переправясь через реку Иенчу, прошли с войском вплоть до Темир-капыга. После этого масса тургешского народа пошла на ставших (ей) врагами кенгересов. Кони нашего войска были тощи, провианта для них не было; плохие люди...

40. мужественные люди (воины) на нас напали. В такое время (т.е. при таких обстоятельствах) мы, раскаявшись (в своем предпрятии?), отослали Кюль-Тегина в сопровождении немногих мужей. (Как мы после узнали) он дал большое сражение. Сев на белого коня героя Шалчы, он произвел атаку. Убил (многих) из народной массы тюргешей и покорил (оставшихся). Снова (*или*: назад) двинувшись ...

41. (1)... он сразился с Кушу-тутуком, его мужей он всех перебил, его дома и имущество без остатка все доставил (себе). Когда Кюль-Тегину было двадцать семь лет, народ карлуков вследствие свободы и независимости стал (нам) врагом. Мы сразились при священной вершине Тамаг.

42. (2) В этом сражении Кюль-Тегин был тридцати лет; сев верхом на своего белого (коня) героя Шалчы, он бросился в атаку, двух мужей он заколол (копьем) одного за другим; мы убили (многих) карлуков и (оставшихся) покорили их. Народ азов стал нам врагом. Мы сразились при Кара-кёле (“Черное озеро”); Кюль-Тешну шел (тогда) тридцать первый (*или*: был тридцать один?) год. На своего белого коня героя Шалчы

43. (3) сев, он бросился в атаку, схватил Эльтебера азов; народ азов тогда погиб. Когда племенной союз моего дяди-кагана стал мятежным и в народе стали появляться зависть и вражда, мы сразились с народом изгилей. Кюль-Тегин, сев на своего белого (коня) героя Шалчы,

44. (4) бросился в атаку, тот конь там пал. Народ изгилей погиб. Народ токуз-огузов был мой собственный народ; так как небо и земля пришли в смятение (т.е. наступили из ряда вон выходящие смуты), он стал нам врагом. В один год мы сражались пять раз. Самый первый (раз) мы сразились при городе Тогу.

45. (5) Кюль-Тегин, сев на белого (коня) Азмана, бросился в атаку, шесть мужей он заколол, в свалке он порубил мечом седьмого. Во второй раз мы сразились с эдизами при Кушлагаке. Кюль-Тегин, сев на своего бурого азского (коня) и бросившись в атаку, заколол одного мужа;

46. (6) девять человек он убил при преследовании (?) (*или*: обернувшись? окружив?); народ эдизов тогда погиб. В третий

раз при Бол... мы сразились с огузами. Кюль-Тегин, сев на белого (коня) Азмана, произвел атаку и переколол (нескольких врагов); их войско мы перекололи, их племенной союз покорили. В четвертый раз мы сразились при вершине (горы) Чуш.

47. (7) Тюркский народ дал ослабеть (своим) ногам и был готов оробеть. После того как Кюль-Тегин отогнал их (т.е. вражеское войско, пришедшее раньше нас на позицию?), мы убили, преследуя (*или*: окружив?), на похоронах Тонга-Тегина, героев из племени Тонгра, десять человек. В пятый раз мы сразились с огузами при Эзгенти Кадазе. Кюль-Тегин,

48. (8) на бурого азского (коня) сев, произвел атаку, двух мужей он заколол, но на город (?) не пошел (?). То войско тогда погибло. Перезимовав в укреплении Магы (*или*: Амгы) весною, мы вышли с войском против огузов. (Потом) мы отпустили (?) Кюль-Тегина, чтобы он начальствовал (распоряжался) дома. Враждебные (нам) огузы напали на орду (т.е. на наше становище). Кюль-Тегин,

49. (9) сев на белого Огсиза ("*Безумца*". В. Томсен: *mutterlos*, ZDMO, *от. 78, стр. 155*), заколол девять мужей (и) не отдал орды! Моя мать-катун и вы, идущие за нею (по знатности) мои сводные матери (т.е. другие жены отца Бильге хана), мои тетки (*или вообще*: старшие родственницы?), мои невестки (*или вообще*: младшие родственницы?), мои княжны, сколько (вас) ни было, все вы были в опасности (или), оставшись в живых, попасть в рабство, (или), будучи убитыми, остаться лежать на земле и на дороге!

50. (10) Если бы не было Кюль-Тегина, все бы вы погибли. Мой младший брат, Кюль-Тегин, скончался, я же заскорбел; зрячие очи мои словно ослепли, вещей разум мой словно отупел, (а) сам я заскорбел. Время (т.е. судьбы, сроки) распределяет небо (т.е. бог), (но так или иначе) сыны человеческие все рождены с тем, чтобы умереть.

51. (11) Так с грустью думал я, в то время как из глаз моих лились слезы, и сильные (?) вопли исходили из (глубины) сердца, я снова и снова скорбел. Я предавался печали, думая: «вот (скоро) испортятся очи и брови обоих шадов и идущих за ними моих младших родичей, моих огланов, моих правителей, моего

народа!»). В качестве плачущих и стонущих (т.е. для выражения соболезнования) пришли кытай и татабийцы во главе

52. (12) с Удар-Сенгуном; от кагана табгачей пришли Исьи и (?) Ликенг и принесли множество (*букв.* 10000) даров и бесчисленное (количество) золота и серебра; от тибетского кагана пришел белён; сзади (т.е. с запада) от народов, живущих в странах солнечного заката: согд, берчекер (персы?) и бухарские (народы), пришли Нек-Сенгун и Огул-Тархан.

53. (13) От народа «десяти стрел» и от сына моего, кагана тюргешского, пришли Макрач, хранитель печати, и хранитель печати Огуз-Бильге; от киргизского хана пришел Чур-Тардуш-Ынанчу. (В качестве) соорудителя здания (т.е. храма?) и камня с надписью, украшенного резьбой, пришли чиновники (*П.М. Мелиоранский*: каменотесы) кагана табгачей и Чанг-Сенгун.

Кюль-Тегин улетел (т.е. умер) в год овцы, в семнадцатый день; в девятый месяц, в двадцать седьмой день мы устроили похороны. (Надгробное) здание резные (фигуры?) и камень с надписью (в честь) его мы все (это) освятили в год Обезьяны, в седьмой месяц, в двадцать седьмой день. Кюль-Тегин умирал со-рока семи лет. Камень... столь много резчиков привели тойгуны и эльтеберы (?).

Надпись Тоньюкука

(1) Я сам, мудрый Тоньюкук, получил воспитание под влиянием культуры народа табгач. (Так как и весь) тюркский народ был в подчинении у государства Табгач.

(2) Тюркский народ, не будучи со своим ханом, отделился от государства Табгач, сделался народом, имеющим своего хана; оставив своего хана, снова подчинился государству Табгач. Небо, пожалуй, так сказало: я дало (тебе) хана.

(3) ты, оставив своего (букв. твоего) хана, подчинился другим. Из-за этого подчинения небо, – можно думать, – (тебя) поразило (умертвило). Тюркский народ ослабел (умер), обессилел, сошел на нет. В стране народа тюрков-сиров (?)

(4) не осталось (государственного) организма. Оставшиеся независимыми (кое-где в оазисах, букв. среди деревьев и камней) соединились, и (их) составилось семьсот (человек). Две части из них были всадниками, а одна часть из них была пехотой. Тот, кто семьсот людей

(5) заставил (последовать, старший из них, был “шад” Он сказал: “Приставай (-те) ко мне”. Я был к нему приставшим – мудрый Тоньюкук. (Не) каганом ли (мне его) пожелать, говорил я (в сердце своём). Я думал: если (будущий хан) вообще (букв. сзади, вдали) знает, (что у него есть) и тощие быки, и жирные быки,

(6) но он не может (не способен, не знает) назвать (в отдельности, который) жирный бык (и который) тощий бык. Говоря, (в сердце своем) я так думал. Затем: так как небо даровало мне знание, то (несмотря на малые способности хана) сам я захотел (его в качестве) хана (захотел его ханом).

(7) (А хан:) “С мудрым Тоньюкуком, в качестве бойла бага таркана, я, Иль-терес, да буду каганом”. Он много поразил на юге табгачей, на востоке (вперед) – киданей, на севере – огузов. Его товарищем по знанию к его товарищем по славе был я сам. Мы избрали местожительство Куз Чу-гая и Кара-кумы (“Черные пески”),

(8) мы жили (там), питаюсь оленями и питаюсь зайцами. Горло народа было сыто. Враги наши были кругом, как хищные птицы, мы были (для них) падалью (*В. Томсен, ZDMO*, таков был наш лагерь.). Так проживая, от огузов пришел лазутчик (шпион).

(9) Слова лазутчика таковы: “Над народом токуз-огузов воссел каган, говорит (соглядатай), – он послал к табгачам Куны-Сенгуна, к киданям послал Тонгра Сема. Слово так послал: тюркский народ в небольшом только количестве

(10) кочует, (но) каган его – герой, а советник у него – мудрый. Пока существуют эти два человека, то вас (*букв. тебя*), табгачей, они убьют, – говорю я; на востоке киданей они убьют, – говорю я, – нас (*букв. меня*), огузов,

(11) тоже убьют, говорю я. Табгачи нападайте с юга, кидане – нападайте с востока, я нападую с севера. Да не распоряжается (*букв. не ходит*) в земле тюрков-сиров (какой-то) властитель. Да уничтожим мы, насколько возможно, (этого) властителя, –

(12) говорю я”. Услышав эти слова, ночью не приходил мой сон, а днем я не имел покоя. После этого я обратился с просьбой к кагану. Я так просил: табгачи, огузы, кидани, эти втроем, если соединятся (*или: если будут воевать против нас*),

(13) то мы (пожалуй) останемся как бы предоставленные самим себе (*или: мы останемся, как бы держа свою внутренность внешностью своего существа*). Тонкое сложить (в кучу) – легкое (дело); слабое разорвать – легкое (дело), но если тонкое делается толстым, то то, что может собрать (толстое, это) будет герой. Если слабое

(14) делается крепким, то то, что может разорвать (крепкое, это) будет герой. Мы должны притти на востоке к киданям, на юге к табгачам, на западе к западным (тюркам, курданами?) и на севере к огузам, с двумя-тремя тысячами нашего войска. Может ли это быть? Так я просил (хана).

(15) Мой каган соизволил выслушать от меня самого, мудрого Тоньюкука, изложенную просьбу. Он сказал: “Ты по своей воле заставь следовать (войско)”. Пройдя реку Кёк Онг, провёл (заста-

вил следовать войско) к лесу Отюкэн. По реке Тогле пришли огузы с рогатым, вьючным скотом,

(16) войска их было шесть (три?) тысяч, нас было две тысячи. Мы сразились. Небо оказало (нам) милость, и мы рассеяли (их): они упали в реку. На пути преследования (многие) еще, возможно, умерли. После этого огузы все вместе пришли (т.е. подчинились нам).

(17) Услышав, что я привел тюркский народ в землю Отюкэн и что я сам, мудрый Тоньюкук, избрал местом жительства землю Отюкэн, пришли (к нам) южные народы, западные, северные и восточные народы.

(18) Нас было две тысячи; мы были двумя (отрядами) войск. Тюркский народ и тюркский каган для (дальнейшего) обитания (завоевывая) не дошел до город(ов) Шантунга и до морской реки. Своего кагана я упросил и двинул войска.

(19) Я довел (войска) до город (ов) Шантунга и до морской реки. Они разрушили двадцать три города и остались на жительство в земле Усынбундату. Каган народа табгач был нашим врагом. Каган (народа) “десяти стрел” был нашим врагом.

(20) Но больше всего был нашим врагом киргизский сильный каган. Эти три кагана, рассудив, сказали: да пойдём мы (походом) на Алтунскую чернь. Так они рассудили и сказали: да отправимся мы в поход на восток против тюркского кагана. Если мы не пойдём против него, как бы то ни было, он нас (победит):

(21) каган его (т.е. тюркского народа) – герой, а советник его – мудрый, как бы то ни было, он, возможно, (окажется) победителем нас (*букв.* убийцей). Втроем мы объединимся и отправимся в поход и уничтожим его, сказали (они). Тюркешский каган сказал так: “Мой народ там будет”, – сказал он,

(22) а тюркский народ (находится) в смятении, огузы же его, сказал он, находятся в рассеянии. Услышав это его слово, ночью совсем сон мой не приходил, (а днем) я не находил покоя. Тогда я задумал...

(23) будем воевать (против киргизов?)... сказал я. Когда я услышал, что дорога на Кёгмэн (только) одна, и она завалена (сне-

гом), я сказал: не годится, если итти этим путем... Я искал знатока той местности и нашел человека из степных азов.

(23) “Моя родная земля – Аз, ее зна... (Там) есть одна оставка, если отправиться по (реке) Аны, то до ночлега там (останется) ход одной лошади”, – сказал (он). Я сказал: если ехать той дорогой, то (это) возможно. Я задумался, и моего кагана

(24) я просил. Я приказал двинуться войску; я сказал: садись на коней! Переправясь через Ак-Тэрмель, я приказал остановиться (тыловым) лагерем. Приказав сесть на лошадей, я пробил дорогу сквозь снег, я взошел (с другими) вверх (горы), ведя лошадь на поводу, пешком, удерживаясь деревянными шестами (на лыжах?). Передние люди

(25) протоптали (снег), и мы перевалили через вершину с растениями (*В. Томсен, die Passhohe Ybar? ZDMO, т. 78. стр. 166*). С большим трудом мы спустились, и в десять ночей мы прошли до склона (горы), обойдя (горный, снежный) завал. Местный путеводитель, сбившись с пути, был заколот. Когда испытывались лишения, каган говорил: “Попытайся быстро отправиться!

(26) Да отправимся мы по реке Аны!” Мы шли вниз по течению этой реки. Чтобы пересчитать (свое войско), мы приказали остановиться, а лошадей мы привязали к деревьям. И ночью, и днем мы быстро скакали. На киргизов мы напали во время (их) сна.

(27)... проложили (путь) копиями. Хан их и войско их собрались. Мы сразились и победили. Хана их мы умертвили. Киргизский народ вошел в подчинение кагану и повиновался (ему). Мы вернулись, мы пришли обратно, обойдя Кёгмэнскую чернь.

(28) Мы вернулись от киргизов. От тюргешского кагана пришел лазутчик. Слово его таково (?): “Отправимся походом, говорит он, с востока на кагана. Если мы не пойдем походом, то он нас (победит): каган его – герой, а советник его – мудрый, как бы то ни было,

(29) он нас возможно погубит”, – говорит он. Тюргешский каган отправился в поход, говорил он, народ “десяти стрел” без

остатка отправился в поход, говорит, (среди них) есть и войско табгачей (говорит лазутчик). Услышав эти слова, мой каган сказал: “Я отправляюсь домой!

(30) (Моя) жена умерла, я хочу совершить над ней погребальные церемонии, – сказал он, – ты же иди с войском, сказал (каган), и оставайся в Алтунской черни”, – сказал. Начальниками войска пусть идут Инэль-каган и тардушский шад, сказал. А мне, мудрому Тоньюкуку, он сказал:

(31) “Веди это войско, – сказал. ”Назначай наказания по своей воле, что я (еще) тебе скажу!”, – сказал. “Если (кто) придет (т.е. присоединится к нам), то увеличится (у нас) число храбрых мужей, если же (никто) не придет, то собирай различные вести (букв. “языки” и слова)”, – сказал. Мы находились в Алтунской черни.

(32) Пришли три лазутчика, слова их одинаковы: “Их каган с войском выступил в поход, войско (народа) “десяти стрел” без остатка выступило в поход”, – говорит (лазутчик). “Да соберемся мы в степи Ярышской”, – сказал. Услышав эти слова, я послал эти слова кагану. Что делать?! С обратным словом (от хана)

(33) пришел (посланный): “Сиди, – было сказано, – не торопись ехать, хорошенько держи караул; не позволяй себя раздавить”, – сказал он. Так приказал сказать мне Бёгю-каган. А апатаркану (главнокомандующему) он послал известие: “Мудрый Тоньюкук – он хитрый и сам он – понимающий!”.

(34) (Если он скажет): “Идем с войском!” ... не соглашайся”. Услышав эти слова, я двинул в поход войска. Я без дороги перевалил Алтунскую чернь. Мы переправились без брода через реку Иртыш и, не делая остановки на ночь, рано утром достигли Болчу.

(35) Привели лазутчика, слово его таково: “В степи Ярышской собралось десять тюменов войска (100 тысяч)”, – он говорит. Услышав эти слова, беги все

(36) сказали: “Вернемся! Стыд чистых хорош!”. А я так говорю, я – мудрый Тоньюкук: “Мы пришли, пройдя через Алтунскую чернь. Через реку Иртыш

(37) мы пришли, переправясь. Было сказано: (враг, который) приходит – герой, но они (о нас) не проведали. Небо, (богиня)

Умай, священная Родина (земля – вода) – вот они, надо думать, даровали (нам) победу. Зачем нам бежать,

(38) говоря: (их) много. К чему нам бояться, говоря: (нас) мало. Зачем нам быть побежденными?! (*или*: подчиним себе!) Нападём!”, – сказал я. Мы напали и прогнали (врага). На второй день они (враги) пришли;

(39) они пришли, пламеняя,, как пожар. Мы сразились. Сравнительно с нами их два крыла наполовину были многочисленнее. По милости неба, мы

(40) не боялись, говоря, что их (т.е. врагов) много. Мы сразились. Тардушский шад принял участие в сражении. Мы прогнали (врагов), их кагана мы схватили, а их ябгу и шада

(41) там умертвили. Около пятидесяти человек мы пленили. В ту же ночь мы отправили (послов) к каждому народу. Услышав эти слова, начальники и народ “десяти стрел” все

(42) пришли и подчинились. Когда я устраивал и собирал приходящих начальников и народ, то небольшое число народа убежало. Я повел в поход войско (народа) “десяти стрел”

(43) Мы еще воевали и гнали их. Переправляясь через реку Жемчужную, гору Бянглигяк – местожительства сына Тинэси...

(44) Мы преследовали (врагов) до Темир-капыг (до Железных ворот). Мы заставили (их) оттуда возвратиться. Инэль-кагану арабов и тохаров...

(45) Тогда пришел весь согдийский народ во главе с Суком... (?). В те дни тюркский народ достиг Железных ворот

(46) и достиг горы – местопребывания сына Тинэси, (где) не было предводителя. Так как я, мудрый Тоньюкук, дошел (с войском) до этого народа (*букв.* до этой земли),

(47) то он (народ) принес желтое золото, белое серебро, женщин и девиц, драгоценные попоны и (другие) сокровища в большом количестве (*букв.* без границ). Эльтериш каган, ради своего сообщества со

(48) знанием и геройством, на табгачей ходил сражаться семнадцать раз, против киданей сражался он семь раз, против огузов сражался пять раз. Тогда советником

(49) я же был и предводителем был войск. Эльтериш-кагану... тюркскому Бёпо-кагану, тюркскому Бильгя-кагану...

(50) Капаган-каган ... я, не спав по ночам,

(51) не имея покоя днем, проливая красную свою кровь и заставляя течь свой черный пот, я отдавал народу (свои) работу и силу и я же сам направлял длинные (дальние) военные набеги.

(52) Я возвысил стражу Аркуй, повинующихся врагов я приводил (?), мы предпринимали походы с моим каганом. Пусть будет милостиво небо:

(53) на этот (свой) тюркский народ я не направлял (хорошо) вооруженных врагов и не приводил снаряженную конницу. Если бы Эльтериш-каган не старался приобретать

(54) и, следуя (за ним), я сам если бы не старался приобретать, то ни государство, ни народ не были бы существующими. Ради его (т.е. кагана) приобретений и, следуя за ним, ради моих собственных приобретений

(55) государство стало (настоящим) государством, а народ же стал (настоящим) народ. Сам я состарился и возвысился. Если бы в какой либо земле у народа, имеющего кагана,

(56) оказался бы (какой-либо) бездельник, то что за горе имел бы (этот народ)!

(57) Я, Мудрый Тоньюкук, приказал написать (это) для народа тюркского Бильгя-кагана.

(58) Если бы Эльтериш-каган не старался приобретать или если его не было бы и если бы я сам, мудрый Тоньюкук, не старался приобретать или если бы не существовал,

(59) в земле Капагана-кагана и народа тюрков-сиров не было бы никакой государственной организации, ни народа, ни людей, ни правителя.

(60) Ради стараний Эльтериш-кагана и мудрого Тоньюкука вот существует Капаган-каган и народ тюрков-сиров.

(61) Тюркский Бильгя-каган возвышает народ тюрков-сиров и народ огузов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Айдаров Г. Язык Орхонских памятников древнетюркской письменности VIII века. – Алма-Ата, 1971.
2. Айдаров Г. Көне түркі жазба ескерткіштерінің тілі. – Алма-Ата, 1986.
3. Айдаров Г. Орхон ескерткіштерінің тексі. – Алма-Ата, 1990.
4. Аманжолова Д.А. Казахский автономизм и Россия. – М., 1994.
5. Атлас древностей Монголии/ изд. В.В. Радловым. – Вып. 1. – СПб., 1892.
6. Ауэзов М.О. Шығармалар. – Алма-Ата, 1969. – 11 том. – 136 б.
7. Бартольд В.В. К истории арабских завоеваний Средней Азии // Сочинения. – М., 1964. – Т. 2. – Ч. 2.
8. Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. – Л., 1927.
9. Бартольд В.В. Соч. – М., 1963. – Т. II. – Ч. I; Соч. – М., 1968. – Т. V.
10. Бернштам А. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрок VI-VIII веков. – М.-Л., 1946. – С. 29.
11. Базен Л. Человек и понятие истории у тюрок Центральной Азии // В кн.: Зарубежная тюркология. – 1986. – Вып. 1. – С. 345-360.
12. Бомбачи А. Тюркология литературы. Введение в историю и стиль // В кн.: Зарубежная тюркология. – М., 1986. – Вып. 1. – С. 191-293.
13. Васильев В.П. Китайские надписи в орхонских памятниках в Кошо-Цайдаме и Карабалгасуне // Сб. трудов Орхонской экспедиции. – СПб., 1897. – Т. 3.
14. Вернадский Г.В. Исследования и материалы по истории России и Востока // Вып. 1. «О составе Великой Ясы Чинхисхана». – Брюссель, 1939.
15. Веселовский Н.И. Орхонские открытия // Журнал Министерства Народного просвещения. – П., 1894. – Ч. ССХС, 1894. – С. 59-72.
16. Восточный Туркестан – этнос, религия. – М., 1988.
17. Вернадский В.И. Труды по всеобщей истории науки. – М., 1968.
18. Валиханов Ч.Ч. Соч. в 5-ти томах.
19. Гумилев Л.Н. Взаимодействие наук. Человек и природа. – М., 1981. – С. 56-71.
20. Гумилев Л.Н. Хунны в Китае. – М., 1974.
21. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. – М., 1967.
22. Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии. – М., 1966.

23. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – Л., 1989.
24. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. – М., 1992.
25. Газета “Панорама” от 20, 23 мая, 13, 27 июня, 11, 20 июля 1997 года.
26. Диваев Э. Орхон жазуы туралы бирнеше сөз //”Шолпан” журналы. – 1922-1923. – №1-2.
27. Жолдасбеков М. Асыл арналар. – Алма-Ата, 1986.
28. Жумабаев М. Шығармалар. – Алма-Ата, 1989.
29. Зиновьев А. Запад. Феномен западнизма. – М., 1995.
30. Иолык тегін. – Алма-Ата, 1986.
31. История Среднего Востока. – М., 1995. – Т. 2.
32. Исикава Коору. Японские методы управления качеством. – М., 1988.
33. Касымжанов А.Х. Аль-Фараби. – М., 1982.
34. Касымжанов А.Х. Аль-Фараби. – 2-е изд. – Алматы, 1998.
35. Касымжанов А.Х. Портреты. Штрихи к истории Степи. – Алма-Ата, 1995.
36. Касымжанов А.Х. Ұлы даланың зиялылары. – Алма-Ата, 1996.
37. Касымжанов А.Х., Мажиденова Д.М. Очарование знания. – Фрунзе, 1990.
38. Касымжанов А.Х. и др. Қазақ. – Алматы, 1994.
39. ”Казахстанская правда” от 30 мая 1997 г.
40. Кляшторный С.Г. Древнетюрские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. – М.-Л., 1964.
41. Котвич В.В. В Хушо-Цайдаме. – ТТКО ИРГО, 1912. – Т. V. – № 1.
42. Класон Дж. Происхождение тюркского “рунического» письма / отв. ред. А.Н. Кононов // В кн. Зарубежная тюркология. – М., 1986. – Вып. 1.
43. Лившиц В.А. Происхождение древнетюрской рунической письменности // См. Тезисы Всесоюзной тюркологической конференции. – Алма-Ата, 1976. – С. 62-70.
44. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. – М.-Л., 1951.
45. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. – М.-Л., 1959.
46. Маллицкий Н.Т. О связи тюркских тагм. – ПТКЛА, 1929. – Т. 3.
47. Мелорианский П. Памятник в честь Кюль-Тегина. – СПб.: ЗВОИРАО, 1899, 1900. – Т. XII.
48. Мелиоранский П. Об орхонских и енисейских надгробных памятниках с надписями. – ЖМНП, 1898. – Т. 317.
49. Маргулан Э. Ежелгі жыр, аңыздар. – Алма-Ата, 1985.
50. Памятники древнетюркской письменности. – М.-Л., 1951.
51. Переломов Л.С. Конфуций: жизнь, учение, судьба. – М., 1993.
52. Памяти В. Томсена. Сборник / под ред. изд. В.В. Баргольда. – Л., 1928.
53. Руднев А.Д. И. Томсен. – СПб., 1892.
54. Радлов В.В., Мелиоранский П.В. Древне-тюркские памятники в Кошо-Цайдаме. – СПб., 1892.
55. Спасский Г. Древности Сибири с приложением альбома “Сибирский Вестник”. – 1818.
56. Стеблева. И.В. Поэзия тюрков VI – VIII вв. – М., 1965.

57. Стеблева И.В. Поэтика древнетюркской литературы и ее трансформация в раннеклассический период. – М., 1976.
58. Тоған З.В. Воспоминания. – Уфа, 1994.
59. Томсен В.Л. Дешифровка орхонских и енисейских надписей. – СПб., 1894.
60. Фрунзе М. Неизвестное и забытое. – М., 1991. – 189 с.
61. Чокаев М. Туркестан под властью Советов. – Париж, 1935.
62. Эволюция государственности Казахстана. – Алма-Ата, 1995.
63. Ядринцев Н.М. Отчет экспедиции на Орхон, совершенной в 1889 году Действительным членом Восточно-Сибирского Отдела Императорского Географического общества Н.М. Ядринцевым по поручению отдела // “Сборник трудов орхонской экспедиции”. – I. – СПб., 1892. – Прилож. V.
64. History of the Mongols from the 9th to the 19th century. Part I / by Henry H. Howorth. – London: Longmans, Green and Co., 1876.
65. Turkistan ... Eugene Schuler. – New York, 1876.
66. Travels in Central Asia by Arminius Vambery. – London: John Murray. Al be Marle street, 1864.
67. Tomsen. De'chiffrement des inscriptions de L'Orkhon de L'Academic Royal des Sciences et de Lettres de Danemark. – Copengagen, 1893.
68. Tomsen-Alturkiiche inschridten aus der Mongolei. ZDMG. – T. 78. – Leipzig, 1924.
69. The Early Empires of Central Asia by William Montgomery McGovern. – The University of North Carolina Press, 1939.
70. The Great Cultural Traditions. The Foundation of Civilization. Vol. 2 // The Classical Empires by Ralph Turner. – First Edition. – Me Graw-Fhll, Book.
71. Walter J. Fischel. Ibn Khaldun and Tamerlane, Berkeley and Los Angeles, Company-Ine. – New-York and London, 1941.
72. Principles and structures in the organization of the Asiatic Steppe pastoralist // Lawrence Krader in Southwestern journal of Antropology. – Vol 11. – Number 2. – Summer, 1995.
73. Baymurza Hayit. Turkestan in XX Jahrhundert C.W Leske. Verlag. – Darmstadt, 1956.
74. 2. Bolshevizm in Turkestan 1917-1927 Alexander G. – Park Columbia University, New York, 1957.
75. Richard A. Pierce. Russian Central Asia. 1867-1917. A study in Colonial Rule. – Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1960.
76. Formation of the Soviet Union. Communism and Nationalism 1917-1923.
77. Richard Pipes. Revised Edition. – Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts, 1964.
78. The Vinland Map and the Tartar relation by R.A. Skelton, Thomas E. Marston and George D. Painter for the Yale University Library with a Foreword by Alexander O. Vietor. New Haven and London. – Yale Univer sity Press, 1965.
79. Russia's Protectorates in Central Asia: Bukhara and Khiva, 1865. Seymour Becker. – Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts, 1968.

80. Talat Tekin. A grammar of Orkhon Turkic, Bloomington, 1968 // Uralic and Altaic Series. – Vol. 69.
81. Ayalon, David. The Greet Yasa of Chingis Khan in Studia Islamica Press. – 1971. – N 33-34.
82. Kutadgu Bilic. Resid Rahmeti Arat Turk die kurumv Yayinlari. – Ankara, 1979.
83. Yusuf Khass Hajib. Wisdom of Royal Glory/ translated and edited by Robert Danskoff. – Chicago University of Illinois Press, 1983.
84. Alpamysh. Central Asia indentity under Russian Rule by H.B. Paksoy // Association for the advencenment of Central Asian Research. Monograph Series. – Harford, Connecticut, 1989.
85. The Turks of Central Asia. Charles Worren Hostler Vestport, Connecticut. – London, 1993.
86. Attila: The Man and his image, edited by Franz H. Bauml and Marianna D. Birnbaum. – Corvina, Budapest, 1993.
87. Central Asia Reader. The Rediscover of history /edited by H.B. Paksoy. M. Sharpe. Armonk. – New-York, London, 1994.
88. Between ideology and reacpolitik. Woodron Wilson and the Russian revolution 1917-1921. – Georg Schild. Greewood Press. Westport. Connecticut, London, 1995.
89. The Heritage of Central Asia. Richard N. Frye. Marcus Wiener Publishers. – Princeton, 1996.
90. Central Asia's New States. Independence, foreing police and regional security by Martha Brill Olcott, United States. – Institute of Peace Press Washington, D.C., 1996.
91. Peoples of Central Asia by Lawrence Krader Uralic and Altaic Series / editor Thomas A. Sebeok. – 1996. – Vol. 26. – 2 edition.

ОГЛАВЛЕНИЕ

К читателю (академик Мутанов Г.М.).....	3
ПРЕДИСЛОВИЕ	7
СТЕПНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ.....	10
САМООПРЕДЕЛЕНИЕ.....	39
СТЕЛЫ КОШО-ЦАЙДАМА.....	72
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	93
Малая надпись	96
Большая надпись	100
Надпись Тоньюкука	110
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	117

Учебное издание

Касымжанов Агын Хайруллович

СТЕЛЫ КОШО-ЦАЙДАМА

под общей редакцией академика *Г. Мутанова*
научный редактор *Ж. Алтаев*
литературный редактор *Г. Муканова*

Редактор *Э. Сулейменова*
Компьютерная верстка *Г. Калиевой*
Дизайн обложки *Я. Горбунова*

ИБ №12762

Подписано в печать 30.04.2019. Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Печать цифровая. Объем 7,62 п.л. Тираж 100 экз. Заказ №2224.

Издательский дом «Қазақ университеті»

Казахского национального университета им. аль-Фараби.

050040, г. Алматы, пр. аль-Фараби, 71.

Отпечатано в типографии издательского дома «Қазақ университеті».

9 786010 440074